

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ,
ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Коровникова Н.А.

**АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИДЕЯ,
ИДЕОЛОГИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ**

Научная монография

Москва
МИЭПП
2017

УДК [172:316.752](470+571)
ББК 60.028.131+66.05
К68

Рецензент:

профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета, профессор, доктор политических наук *Капицын Владимир Михайлович*

К68 Аксиологическое пространство постсоветской России: идея, идеология, идентичность : научная монография / Н.А. Коровникова. Московский институт экономики, политики и права. – М. : НОУ ВО «МИЭПП», 2017. – 100 с.

ISBN

В монографии с позиции политологического анализа исследуются такие категории, как «национальная идея», «идеология», «идентичность». Проанализированы теоретико-прикладные аспекты и основные характеристики этих концептов, предложены их рабочие дефиниции. Показана их непосредственная взаимосвязь и взаимодополняемость в рамках аксиологического пространства постсоветской России, ключевым элементом которого выступает патриотизм. Утверждается, что состояние, ресурсы и потенциал аксиологического пространства обеспечивают современной России перспективу стать авангардом формирования новой альтернативной идейно-ценностной концепции полицентрического типа на общемировом уровне.

Книга предназначена для аспирантов и преподавателей гуманитарных вузов, научных работников, государственных и общественных деятелей, специалистов в области патриотического воспитания.

ISBN

УДК [172:316.752](470+571)
ББК 60.028.131+66.05

© Н.А. Коровникова, 2017
© Оформление. Московский институт экономики, политики и права, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	7
1.1. Современные подходы к определению национальной идеи: анализ основных направлений	7
1.2. Идея, идеология, идентичность: область взаимодействия	
2. ИДЕОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ.	
2.1. Идеология versus наука: общее и особенное	
2.2. Идеологическое пространство современности: реалии, особенности, перспективы	
3. РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ	
3.1. Идентификационные структуры и процессы в современной России	
3.2. Аксиологическое пространство «постсоветского человека»	
4. ПАТРИОТИЗМ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ	
4.1. Значение патриотизма в контексте современности	
4.2. Патриотизм как условие аксиологической безопасности	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
ЛИТЕРАТУРА И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИСТОЧНИКИ	

ВВЕДЕНИЕ

Как свидетельствуют результаты многочисленных теоретических исследований, социологических опросов, общественно-политических дискуссий постсоветского периода, в условиях социально-политического контекста современности все более актуальными становятся поиск и формулировка мировоззренческих, культурных, гражданских ценностей – «духовных скреп»¹, способных консолидировать российское общество и укрепить российскую государственность. Другими словами, способных стать аксиологической основой общенациональной идеи, идеологии и идентичности России XXI века.

Несмотря на неоднозначность суждений как в рамках научно-профессионального, так и обыденно-общественного дискурса, поиск национальной идеи и ее формализация в идеологии являются одними из наиболее социально значимых задач, стоящих перед современной Россией. Гетерогенность массового и элитарного сознания объясняется рядом объективных последствий потрясений XX века, в частности, феноменами «разрыва поколений», «потерянной молодежи», «исторической амнезии»; депатриотизацией общества и государства, вызванной распадом СССР; либерализацией и «вестернизацией» всех сфер жизнедеятельности.

Очевидно, что дальнейшее полноценное и динамичное развитие России возможно только посредством обращения к ее историческим истокам, возрождения духовности, подъема патриотизма общества в целом, благополучие, мощь и безопасность которого могут и должны стать системообразующими основами высшей идеи.

Высокая востребованность в поиске и обретении общенациональной идеи, осознании национальной и цивилизационной идентичности, их концептуализации в форме идеологии России XXI века обусловлена следующим:

- потребность консолидации и мобилизации полиэтничного и поликонфессионального российского социума перед лицом глобальных вызовов и угроз;

¹ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>

-
-
- уникальность России как одной из мировых цивилизаций;
 - мессианская роль России не только в прошлом, но и в современном мировом сообществе в качестве его важнейшего дееспособного субъекта;
 - сложность и труднопреодолимость проблем, требующих участия всего народа, а не только его малой части в лице правящей элиты;
 - особая роль духовно-нравственного фактора на протяжении многовековой истории российского государства;
 - разрушение и вытеснение из общественной жизни советских идеалов, неразвитость системы «позитивно созидательных» ценностей, норм, приоритетов;
 - угроза навязывания чуждых заимствованных ценностей потребительского общества и массовой культуры, космополитизация всех устоев жизни;
 - наличие значительного опыта успешной реализации национальной идеи на некоторых этапах отечественной истории (XV–XVI вв., XIX–XX вв.);
 - необходимость формирования и проектирования образа будущего, создания и реализации стратегий и программ развития российского общества и государства ².

Актуализация аксиологической проблематики предполагает необходимость выбора среди самых различных направлений, подходов и концепций такой исторически сложившейся, устойчивой и в то же время актуальной идейно-ценностной парадигмы, в русле которой развитие общества и государства будет осуществляться наиболее полно и плодотворно. Тогда общенациональная идея сможет стать основой идеологической доктрины России на базе возрождения Отечества, исторической памяти, национального самосознания, стремления россиян к совершенствованию своей цивилизации и образа жизни, проявления высокой духовности и нравственности, истинного патриотизма, мужества, стойкости и оптимизма.

² См. Резолюцию круглого стола «Общенациональная идея и идеология как фактор единства, динамичного развития и безопасности России XXI века», заседание которого проходило в Синодальном отделе по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами 24 мая 2017 года в Москве. URL: <http://ukros.ru/archives/13663>

1. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ * В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

1.1. Современные подходы к определению национальной идеи **: анализ основных направлений

В результате политико-культурных и социально-экономических трансформаций 1980–1990-х годов, послуживших причиной кризиса аксиологического пространства России, в рамках научного и общественно-политического дискурса началась активная дискуссия о необходимости поиска ценностно-телеологической основы российского государства и общества в форме национальной идеи. Этот спор продолжается и сегодня, поскольку в исследовательской среде постсоветского периода не сформировался однозначный подход к осмыслению и трактовке национальной идеи. Разброс мнений по этой тематике крайне широк – от полного ее отрицания, скептического отношения (В.И. Мильдон, А.М. Салмин и другие) до формулировки четких идеологических формул (Г.В. Осипов, С.Л. Агаев, Г.А. Зюганов и другие ***).

Позиция скептиков обусловлена тем, что при анализе феномена национальной идеи обнаруживается отсутствие строгой архитекто-

* Здесь и далее под *нацией* автор понимает «гражданско-политическую общность, консолидированную на основе исторической российской государственности, члены которой обладают равными правами независимо от этнической, расовой и религиозной принадлежности, общими историко-культурными ценностями, чувством принадлежности к единому народу, гражданской ответственностью и солидарностью» (URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/20/nation/>).

** В рамках настоящего исследования (монографии) термины «идея», «идея нации», «национальная идея», «общенациональная идея» тождественны и в обобщенном виде обозначают совокупность фундаментальных аксиологических ориентиров, формирующих духовно-нравственный идеал как цель развития социума, государства, цивилизации.

*** Примеры идеологических формул для России: «Духовность, народовластие, державность» (Г.В. Осипов), «Спасение России» (С.Л. Агаев); «Социальная справедливость, державность, народовластие, православие, патриотизм» (Г.А. Зюганов); «Свобода. Личность. Сильное народное государство» (А.Н. Сахаров); «Народовластие и свободный труд» (А.И. Николаев).

ники, однозначного понимания как ее самой, так и смежных с ней понятий. Другой причиной негативного отношения к рассматриваемой проблематике является то, что до сих пор изучение национальной идеи в значительной степени опирается на исследования религиозных философов прошлого, что приводит к ограниченности теоретической базы по этому вопросу, а также к выводу о том, что соборная ментальность является основным препятствием для модернизации российского общества (А. Валицкий, Дж.П. Скэнлан³). Так, например, по мнению В.И. Мильдона, «Не надо искать национальную идею, она давным-давно существует, как раз от нее следует избавиться, ибо любая национальная идея, где бы и когда ни возникла, есть идея племенная, и ее результат всегда либо изоляция этого племени от остальных, либо (и чаще) стремление подчинить ему остальной мир. ГУЛАГ – самое полное воплощение любой национальной идеи...»⁴.

Однако многие отечественные исследователи считают, что ретроспективный анализ национальной идеи существенно обогащает ее сущность и характеристики. В *традициях историософского подхода* идея исследуется В.К. Егоровым, Ю.С. Пивоваровым, А.И. Фурсовым⁵. Идеи возрождения соборности как альтернативы глобализму аргументируются в работах Е.С. Троицкого, который для обоснования своей позиции обращается к учению П.А. Сорокина⁶. Традиционные для русской философии ценности обосновы-

³ Смотри:

Моторина Л. Е. Анджей Валицкий о русской идее и особенностях русской философии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/andzhey-valitskiy-o-russkoy-idee-i-osobennostyah-russkoy-filosofii>

Валицкий А. Философия права русского либерализма. М. : Мысль, 2012; Скэнлан Дж. П. Нужна ли России русская философия? // Вопросы философии. 1994. № 1.

⁴ *Мильдон В. И.* Миллениумы русский и западный: образы эсхатологии // Вопросы философии. 2000. № 7. С. 11.

⁵ Смотри:

Егоров В. К. Философия русской культуры. М. : РАГС, 2006;

Пивоваров Ю. С. Русская политическая традиция и современность. М. : ИНИОН РАН, 2006;

Фурсов А. И. Колокола Истории. М. : ИНИОН РАН, 1996. URL: <http://www.rus-obr.ru/library/8007>

⁶ Смотри:

Троицкий Е. С. Возрождение Русской идеи. Социально-философские

вал и Г.В. Осипов, предложивший взять за основу национальной доктрины концепцию И.А. Ильина ⁷. В подобном русле М.С. Каган, Н.Н. Моисеев, В.Н. Сагатовский соотносят современное понимание национальной идеи с такими понятиями, как «софийность», «соборность», «антропокосмизм», на основании которых согласно их подходу можно сформировать экологический императив ⁸.

Несмотря на гетерогенность и даже полярность постсоветского отечественного научного дискурса о национальной идее, к настоящему времени большинство концептуальных подходов в этой области объединяет понимание необходимости восстановить духовную сущность российского народа, сформулировать цементирующую общество идеологию, переосмыслить основополагающие ценностные основы России как государства и нации. Исторический опыт свидетельствует о том, что суть общенациональной идеи может быть представлена, собственно, в любой форме – от пространственных рассуждений о судьбе и перспективах России до четкой структуры ценностей, выраженной определенной идеологической формулой, выработка которой и сегодня является одной из ключевых функций деятельности научной и политической элиты.

За последние десятилетия появился ряд фундаментальных исследований и публикаций по рассматриваемой проблематике (см. далее), авторы которых при всем многообразии политико-идеологических предпочтений, лежащих в диапазоне от крайне правых до крайне левых, оказались единодушны в том, что в осно-

очерки. М. : Исида, 1991;

Троицкий Е. С. О русской идее. Очерк теории возрождения нации. М. : Политиздат, 1994.

⁷ Смотри:

Осипов Г. В. Россия: национальная идея и социальная стратегия // Вопросы философии. 1997. № 10;

Осипов Г. В. Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М. : Фонд содействия развитию социал. и полит. наук, 1997.

⁸ Смотри:

Каган М. С. Философская теория ценности. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997; *Моисеев Н. Н.* О мировоззрении и миропонимании : [мемориальный сайт памяти Н.Н. Моисеева]. URL: <http://nnmoiseev.narod.ru/mirivoz.htm>

Сагатовский В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? Серия: Россия накануне XXI века. СПб. : Петрополис, 1994. Вып. 2.

ву общенациональной идеи России XXI века должны быть положены не только сохранение и возрождение исторически присущих ценностей и идеалов, но и их актуализация и модернизация применительно к реальному социально-политическому и культурному контексту современности.

Российские исследователи, размышляя над основными параметрами национальной идеи, отвечающими современным характеристикам российского государства и социума, с начала 1990-х годов предлагают довольно широкий спектр разработок, в которых она рассматривается как *форма духовности*⁹, в контексте загадки «русской души»¹⁰, как *один из факторов консолидации народа*¹¹. Например, Н.С. Розов в идее нации видит совокупность объединяющих нацию ценностей, выражающих ее реакцию на вызов обстоятельств¹². Как ответ на проблемы конкретного социума рассматривают национальную идею А.П. Бутенко и Л.Н. Кочеткова¹³. И.М. Чудинова отождествляет ее с идеалом, указывающим общее направление и цель движения общества, определяющим ценности, разделяемые большинством народа¹⁴. С.Ф. Черняховский в качестве черт национальной мобилизующей идеи России выделяет эгалитаризм, мессианство, радикализм и технократизм¹⁵. А.А. Возьмитель утверждает,

⁹ Шкалина Г. Е. Национальное: между идеологией и культурой // Социально-политический журнал. 1997. № 3. С. 110–116.

¹⁰ Барабанов Е. В. «Русская идея» в эсхатологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 62–73.

¹¹ См. три:

Русская идея: демократическое развитие России / М. Ойзерман, М. Рац, Б. Слепцов [и др.]. М. : РНФ, 1996. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/journals/vm/1995/1-2/v951red0>

Русская идея: Очерк развития отечественной политической мысли : учебное пособие / Н. А. Бенедиктов, С. П. Макарычев, Е. Н. Шаталин. Н. Новгород : Издательство Нижегородского университета, 1993.

¹² См. Розов Н. С. Национальная идея как императив разума // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 16.

¹³ Бутенко А. П., Кочеткова Л. Н. Идеология в России: проблемы и перспективы // Социально-политический журнал. 1998. № 4. С. 246.

¹⁴ Чудинова И. М. Идеология и политика // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 4. С. 132.

¹⁵ Черняховский С. Ф. Проект для России // Вестник МГУ. Серия 12.

что национальная идея России – это «обретение личного достоинства и личной ответственности свободного человека»¹⁶.

Проводятся исследования, посвященные *взаимосвязи национальной идеи* и смежных категорий, таких как «*идеология*» и «*идентичность*»^{*}.

Проблематике взаимодействия национальной идеи с категорией «идеология» посвящены работы, например, Ю.С. Оганисьяна, В.Ф. Туганова, М.А. Фадеичевой, Т.А. Алексеевой, Б.Г. Капустина, И.К. Пантина, А.А. Рябова, В.И. Коваленко, Г.Г. Водолазова, Л.Г. Бызова, М.А. Тарусина¹⁷.

В.С. Комаровский, В.И. Пантин, В.В. Барис, О.А. Жукова, В.Т. Пуляев, З.А. Жаде, А.Ю. Шадже¹⁸ и другие ученые делают акцент на

Социально-политические исследования. 1994. № 2. С. 58–59.

¹⁶ *Возьмитель А. А.* О российской власти и общенациональной идее // *Власть*. 1999. № 7. С. 24.

^{*} Более подробно характер и механизмы взаимодействия категорий «идея», «идеология», «идентичность» см. раздел 1.2. Идея, идеология, идентичность: область взаимодействия.

¹⁷ *Смотри:*

Алексеева Т. А., Капустин Б. Г., Пантин И. К. Перспективы интегративной идеологии // *Полис*. 1997. № 3;

Рябов А. А. Интегративная идеология и модернизация современной России // *Свободная мысль*. 1992. № 15;

Коваленко В. И. Интегративная идеология в России: основания, проблемы, перспективы // *Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки*. 1994. № 1;

Водолазов Г. Г. Общенациональная идеология как идеология большинства населения // *Полис*. 1997. № 3;

Бызов Л. Г. Политические и мировоззренческие ценности россиян и трансформация партийно-политической системы России : доклад на заседании научно-экспертного совета ВЦИОМ. 2008. 16 июля. URL: <http://wciom.ru/novosti/novosti-vciom/novost/single/10415.html>

Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты / рук. проекта М. А. Тарусин. М. : Институт общественного проектирования, 2008.

¹⁸ *Смотри:*

Комаровский В. С. Политическая идентификация России в свете идеологием «суверенной демократии» // *Проблемы современного государственного управления в России. Труды научного семинара. М. : Научный эксперт, 2008. Вып. № 9;*

Пантин В. И. Политическая и цивилизационная самоидентификация со-

сохранении идентичности (национальной, цивилизационной, мировоззренческой) России в условиях глобализации, в том числе предлагают сформировать для этого единое социокультурное (образовательное) пространство. В этом ракурсе интересной представляется позиция И.Б. Чубайса ¹⁹, согласно которой *национальная идея практически соответствует* принятому на Западе понятию «идентичность», поскольку аккумулирует ценности, которые на протяжении всей истории государства и социума формировали аутентичные признаки народа, отличающие его от других. По мнению И.Б. Чубайса, вплоть до конца XIX века такими аксиологическими основами России были православие, «собрание земель», «общин-

временного российского общества в условиях глобализации // Полис. 2008. № 3;

Барис В. В. Тенденции и перспективы геополитического развития России на рубеже веков : дис. ... докт. полит. наук. М. : РГБ, 2003;

Жукова О. А. Политическая модернизация в России, или вопрос о цивилизационной идентичности // Культура культуры. 2014. № 4;

Жукова О. А. Ценностный выбор российского общества как проблема культурной самоидентификации // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 3;

Пуляев В. Т. Социальные ценности в российской национально-государственной идеологии / В. Т. Пуляев, Н. В. Шеляпин // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 5;

Жаде З. А. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации : дис. ... докт. полит. наук. Краснодар, 2007. URL: http://identityworld.ru/load/kategorii/zhade_za_geopoliticheskaja_identichnost_rossii_v_uslovijakh_globalizacii/1-1-0-21

Шадже А. Ю. Российская идентичность в контексте постнеклассической науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-identichnost-v-kontekste-postneklassicheskoy-nauki>

Разработки экспертов по рассматриваемой и смежным проблематикам размещены на сайте *Экспертной сети по исследованию идентичности* (URL: <http://identityworld.ru>)

Значительные результаты в исследовании идентичности в политическом измерении получены *исследовательским комитетом по политической идентичности РАПН* (URL: http://www.rapn.ru/in.php?part=in&gr=1628&n=35&p=0&to=research_bodies).

¹⁹ См. Выступление И.Б. Чубайса на семинаре «Россия в поисках национальной идеи» в рамках дискуссионного форума «Европейские диалоги» (ИМЭМО РАН, г. Москва, 11 апреля 2016 года). URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2253

ный коллективизм» и русский язык. Причем одним из важнейших последствий октября 1917 года стал долговременный кризис национальной идеи, замененной чуждой российской идентичности коммунистической идеологией, для окончательного преодоления которого необходимо дать правовую и моральную оценку предшествующему периоду нашей истории и приступить к качественной модернизации российских политических институтов и экономических структур, а также соответствующему «реформированию» самой идеи. В рамках такого подхода общенациональная идея рассматривается как общероссийская (общая для всех граждан), а не как «русская» при условии, что ее невозможно выработать, так как она существует сама по себе как часть объективной реальности.

Особую популярность в научно-исследовательской и общественно-политической среде постсоветского периода приобрела идея возрождения государственно-национального устройства по типу Российской империи или СССР, в число ее сторонников входят С.Н. Бабурин, С.Ю. Глазьев, М.В. Назаров, А.А. Проханов, С.Е. Кургинян²⁰; принципы монархической идеи популяризируются в серии работ в рамках «Проект Россия»²¹.

Следует отметить разработки С.Г. Кара-Мурзы²², предложившего

²⁰ Смотри:

Бабурин С. Н. Новая русская империя. М. : Алгоритм, 2013;

Глазьев С. Ю. Благополучие и справедливость. Как победить бедность в богатой стране. М. : Б.С.Г.-Пресс, 2003;

Глазьев С. Ю. Мы строим нашу евразийскую интеграцию на принципе сохранения суверенитета государств // Ориентир. 2017. № 3;

Назаров М. В. Вождю третьего Рима. М. : Русская идея, 2005. URL: <http://rusidea.org/?a=410000>

Назаров М. В. Кто наследник Российского престола? М. : Русская идея, 2004.

Проханов А. А. Синусоида русской истории. URL: <http://zavtra.ru/blogs/2006-07-1251> Кургинян С. Е. СССР 2.0. URL: <http://www.ussr-2.ru/index.php/sut-vremeni/19-kurginyan-sergej-ervandovich>

²¹ Смотри:

Проект Россия. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007;

Проект Россия. Выбор пути. М. : Эксмо, 2008;

Проект Россия. Третье тысячелетие. М. : Эксмо, 2009;

Проект Россия. Большая идея. М. : Эксмо, 2010.

²² Смотри, например: *Кара-Мурза С. Г.* Матрица «Россия». М. : Алгоритм,

подход, в рамках которого идея, по сути, может трактоваться как образ желаемого будущего жизнеустройства, строящийся исходя из трех правил:

- 1) опыт исторических катастроф;
- 2) избегание идеологических терминов типа «капитализм-социализм»;
- 3) перечень непреодолимых объективных ограничений.

Отталкиваясь от тезиса о том, что в начале XX века в России были испробованы такие проекты, как столыпинский, либеральный рыночный (кадеты), проект анархического крестьянского коммунизма («зеленые»), коммунизма «кибуца» (первая волна коллективизации), С.Г. Кара-Мурза приходит к выводу о том, что только *советский проект*, основанный на крестьянском общинном коммунизме в сочетании с идеями развития и сильного государства, оказался наиболее жизнеспособным, поскольку был проверен Гражданской войной, нэпом, индустриализацией, коллективизацией и Великой Отечественной войной. В связи с этим исследователь предлагает образ будущего в форме «*нового советского проекта*», который, по его мнению, не противоречит непреодолимым ограничениям, поскольку был возможен даже при гораздо более низком уровне промышленного и технического развития и соответствует культурным запросам и аксиологическим ориентирам большинства российских граждан.

Монархическая идея в исследованиях постсоветских авторов в основном базируется на *ценностных принципах православия*.

Так, например, О. А. Платонов, разработавший *энциклопедию русской цивилизации* *, отмечает, что в России сложилась самобытная цивилизация, высокие духовно нравственные ценности которой

2007. URL: <http://www.klex.ru/4z1>

Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать ее наука. М. : Алгоритм, 2002. URL: <http://www.klex.ru/5z>

* Цивилизационный характер национальной идеи России поддерживается многими исследователями постсоветского периода, поскольку в отличие от «географических идей» она объективно соответствует следующим признакам:

- 1) надэтнический (суперэтнический) характер;
- 2) выдвигание в качестве главной задачи построение единого цивилизационного пространства;

все больше открываются в понятии «*Святая Русь*», в православной этике и добротолубии, русской иконе, церковном зодчестве, трудолюбию как добродетели, нестяжательстве, взаимопомощи, самоуправлении русской общины и артели – в общем, в той структуре бытия, где духовные мотивы жизни преобладали над материальными, где целью жизни была не вещь, не потребление, а совершенствование, преображение души. По мнению исследователя, эти духовные формы существования пронизывают всю историческую жизнь русского народа, отчетливо прослеживаются по первоисточникам в течение более чем двух тысяч лет, проявляясь (конечно, не одинаково) в разные периоды и в разных областях России. Русская цивилизация в рамках этого подхода – целостная совокупность духовно-нравственных и материальных форм существования русского народа, определившая его историческую судьбу и сформировавшая его национальное сознание ²³.

Теологический характер национальной идеи обосновывает и В.В. Аксючиц ²⁴, который считает, что национальная творческая идея мобилизует энергетический потенциал социума на исторические свершения. *Национальный сверхидеал* задает целеполагание, открывает смысл жизни, который соединяет идею с прошлым, оправдывает настоящее и открывает будущее, а также формулирует общее историческое назначение народа, совершенствуя его

3) утверждение общности исторической судьбы и единства государственно-политической традиции;

4) представление о единстве веры и культурной традиции в качестве основы цивилизационного строительства;

5) представление о языке как об объединяющем, а не этнодифференцирующем факторе;

6) церковь выступает как самостоятельный общественно-политический организм, не подавляемый государством;

7) стремление к преодолению националистического дискурса (подробнее см. Петрунина О. Е. «Великая идея» и геополитическая ситуация на Балканах на рубеже XX–XXI вв. // *Национальная идея. Страны, народы, социумы*. М. : Наука, 2007. С. 267–286).

²³ Платонов О. А. *Русская цивилизация. История и идеология русского народа*. М. : Алгоритм, 2010.

²⁴ Аксючиц В., Нарочницкая Н., Недоступ А., Смирнов Д. (протоиерей) // *Русский мир: О нашей национальной идее*. М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014.

характер, мобилизуя национальные архетипы и инстинкты самосохранения нации²⁵. Национальная идея в интерпретации В.В. Аксючица – это *русская идея, которая подлинно христоцентрична и христологична*²⁶.

Н.А. Нарочницкая, автор проекта «Русский мир»²⁷, видит национальную идею в том, «чтобы продолжать спокойно быть русскими, воспроизводя из поколения в поколение свою собственную национальную жизнь и культуру, также спокойно, как это делают другие нации»²⁸. В число цементирующих нацию ценностей она включает такие концепты, как отечество, вера, долг, честь, справедливость²⁹. В рамках ее подхода идея нации выступает как неповторимое и неуловимое сочетание представлений народа о вечном и земном, в форме своего рода ценностно-телеологического морального императива, который аккумулирует *синтез идей западников и славянофилов*, а также идею «*сбережения, развития и приумножения нации*»³⁰.

Также *идея сбережения народа* в качестве общенациональной рассматривалась А.И. Солженицыным, который считал, что «в нашем бедственном неурядливом ограбленном состоянии для спасения ... нужна национальная идея, которая изложена была 250 лет тому назад елизаветинским вельможей Иваном Петровичем Шуваловым. Он предложил Елизавете руководствоваться как главным законом – сбережением народа»³¹. Эта проблема, по мнению Солженицына, и сегодня острейшим образом стоит перед нами, поэтому каждый закон, каждое действие правящих элит должны быть направлены на достижение этой цели в качестве приоритетной в национально-государственном масштабе. Хотя автор признает

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Там же. С. 16.

²⁷ Нарочницкая Н. А. Русский мир. СПб. : Алетей, 2007.

²⁸ Нарочницкая Н. А. Главная национальная идея – продолжать быть русскими // Русская линия. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=161665/>

²⁹ Нарочницкая Н. А. О национальной идее. URL: <http://narotchnitskaya.com/news/nataliya-narochnitskaya-o-natsionalnoy-idee.html>

³⁰ Нарочницкая Н. А. Главная национальная идея – продолжать быть русскими // Русская линия. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=161665/>

³¹ Солженицын А. И. Национальная идея – сбережение народа // Гудок. Выпуск от 11 июня 2005 года. URL: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=752882>

ограниченность временной перспективы этой стратегии в качестве национальной доктрины, «Ненадолго, но на 50 лет нам этой идеи хватит. А за 50 лет, может, умные люди что-нибудь придумают»³².

Уже упомянутый нами синтез принципов славянофильства и западничества нашел отражение в работах представителей научной постсоветской элиты в форме *либерально-консервативной идеи*. Еще в 1997 году А. А. Кара-Мурза пришел к следующим выводам:

1) в России необходим и неизбежен диалог «почвенничества» и «западничества», поскольку и все хорошее, и все плохое в России, так или иначе, происходит в контексте ее постоянного и драматического общения с Западом (в том числе с «внутренним» Западом);

2) важен не только их синтез, а продуктивное качество диалога этих двух элементов.

Он видит объединительную идеологию как «либерально-консервативный синтез», включающий потенциал «осмысленных» западников (термин Г.В. Плеханова) и российских «почвенников», которые выступают за сокращение бюрократически-распределительной патерналистской опеки над обществом, за многообразие форм продуктивного культуротворчества³³.

Аксиологические основы православия получили распространение и среди сторонников *особого пути развития* России, основной версией которого в постсоветский период стала *идея неоевразийства**, которая аккумулирует все лучшее от Запада и Востока (что, по сути, не отличается от классической трактовки евразийства), но при этом предполагает разработку инструментария ее трансляции в общественную среду в том числе для формирования основы «бренд-имиджа» России³⁴.

³² Там же.

³³ Кара-Мурза А. А. «Либерально-консервативный синтез» как объединительная идеология // Полис. 1997. № 3. С. 44–47.

* В современном дискурсе ревитализация евразийства также предполагает поиск «третьего пути», отличного от путей, которыми идут и Запад, и Восток, но уже на новом уровне – свободном от националистической, мистической и имперской доминант ортодоксального представления о России.

³⁴ См. Рожков И., Кисмерешкин В. Имидж России. Ресурсы. Опыт. Приоритеты. М. : Рипол классик, 2008.

Яркий представитель неоевразийства постсоветского периода А.И. Подберезкин, основатель движения «Духовное наследие», с опорой не только на историческую память, но и на «географический» фактор выступил за творческое развитие идей Н.Я. Данилевского. Он предложил свое видение *русского пути* в качестве государственно-патриотической идеологии для России XXI века как основы *христианско-социалистического движения*, «*социализма с русским лицом*». Его подход базируется на том, что Россия в ее исторических границах представляла собой своеобразную и самобытную цивилизацию, в которой причудливо сочетались черты, присутствующие, с одной стороны, европейской культуре, а с другой – азиатской³⁵. Автор «Русского пути», используя диалектический метод, не скрывает своей социалистической ориентации, хотя его социализм отличается от социализма в традиционном марксистском понимании прежде всего тем, что ему присущ основополагающий акцент на традиционные духовные ценности русского народа, в первую очередь связанные с *православием*.

Современная версия евразийского проекта разрабатывалась и А.С. Панариным³⁶, который считал, что *православие* является шансом человечества – одной из гарантий того, что творческий, цивилизованный постиндустриализм еще может быть спасен в наступающем глобальном мире, поскольку именно в *православной цивилизации* больше всего подлинного, непреходящего, доброго, поэтому для нее открыт «путь в будущее, моделью которого является *«русская духовная традиция – традиция сострадательности»*³⁷. Согласно точке зрения исследователя идентичность русских людей всегда скреплял православный идеал священного царства, основанный на высшей правде и жертвенном служении вере. А.С. Панарин акцентирует значимость цивилизационной идентичности России, ее право быть непохожей на Запад, иметь собственное призвание и традицию единого многонационального государства, цивилизации с уникальными природными и этнокультурными реги-

³⁵ Подберезкин А. И. Русский путь. М. : Духовное наследие, 1996.

³⁶ Панарин А. С. Православная цивилизация / сост., предисл. В. Н. Расторгуев / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014.

³⁷ Там же.

онами, от состояния которых зависит качество жизни во всем мировом пространстве.

Еще один представитель евразийского направления А.Г. Дугин предложил «Проект Евразия»³⁸ в качестве национальной идеи России и альтернативы мировому порядку. В его интерпретации общенациональная идея как стратегия страны должна сочетать две группы фундаментальных принципов:

1) верность историческим константам национального пути, отстаивание исторической уникальности России и русских как государства и народа, как особой культуры и особой цивилизации;

2) эффективное и своевременное участие в динамике новой мировой реальности, адекватная реакция на основные тренды мирового развития (на всех уровнях) с тем, чтобы сознательно и планомерно усваивать и развивать одни направления, переориентировать в своих интересах другие и разумно, качественно и успешно противостоять третьим.

При реализации такого подхода «евразийский путь» предполагает наличие следующих уровней³⁹:

- геополитический уровень: евразийская стратегия, утверждение евразийской цивилизации как глобальной альтернативы атлантизму, евразийские стратегические союзы, постсоветская интеграция стран СНГ, цивилизационные приоритеты над национальными (государственными, конфессиональными), глобальная геополитическая задача России – цивилизационное спонсирование новой многополярной планетарной реальности;
- экономический уровень: автаркия больших пространств, евразийский принцип экономического плюрализма, создание развитой автаркичной экономической системы смешанного типа (многоукладность), кейнсианство для Евразии, евразийская экономическая инсуляция, патерналистская модель;
- геоэкономический уровень: прагматическое участие в мировой виртуальной экономике с целью придать ей евразийское

³⁸ Дугин А. Г. Евразийский путь как Национальная Идея. М. : Арктогея-центр, 2002. URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=853>

³⁹ Там же.

цивилизационное направление;

- промышленный уровень: евразийская модернизация в рамках континентального таможенного союза;
- юридический уровень: права народов, геоправовая система, специальные кодексы для поликонфессиональных агломератов и мегаполисов;
- медиакратический уровень: евразийские средства массовой информации.

В рамках постсоветского идейно-аксиологического дискурса особый интерес также представляют подходы таких отечественных исследователей, как В. М. Межуев, О. А. Митрошенков, М. В. Ильин, А. А. Казанцев, И. Б. Орлов.

В.М. Межуев в своей статье, посвященной анализу феномена национальной идеи, определяет ее как «наличие у каждой нации системы ценностей, имеющей для нее более универсальный смысл, чем ее национальные интересы»⁴⁰. Согласно его концепции, несмотря на многочисленность и различия своих национальных интересов, народы, которые относятся к одной и той же культурной генерации, тем не менее осознают себя единой духовной общностью, суть и смысл которой аккумулирует объединяющая их идея. В этой трактовке национальная идея – это не только то, что отличает один народ от другого, но и то, что связывает, объединяет его с другими народами в пределах той или иной наднациональной общности. Именно через осознание и осмысление своей идеи происходит самоопределение страны по отношению к миру, определение своего места в мировой истории, выявляется связь между особенным и всеобщим в жизни народа.

В интерпретации О.А. Митрошенкова национальная идея России – это некий символ-концепт, находящийся в постоянном развитии и означающий:

1) совокупность специфических черт, присущих русской культуре и русскому менталитету на протяжении всей истории;

2) комплекс тем, проблем, смыслов, значений, связанных с судьбами России, определяющих картину и вектор развития русской цивилизации.

⁴⁰ Межуев В. М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 5.

лизации и культуры;

3) уровень национального самосознания в каждый конкретный момент истории;

4) сложившуюся традицию поиска национальной идентичности, особенностей русского мировоззрения, духовных основ народного бытия и жизнеустройства, способ моделирования национальной идеологии;

5) философский термин, введенный В.С. Соловьевым в 1887–1888 годах и широко использовавшийся русскими философами в конце XIX и в XX веках для интерпретации русского самосознания, культуры, национальной и мировой судьбы России, ее христианского наследия и будущности, путей соединения народов страны и преобразования всего человечества ⁴¹.

М.В. Ильин подчеркивает двойственность национально-цивилизационной идеи. Он отмечает, что, с одной стороны, она соединяет создаваемые отдельными людьми интерпретации того, чем стала (или не стала, но могла бы стать) конкретная культура или цивилизация, с другой стороны, она включает только отчасти угадываемый людьми сокровенный образец, аккумулирует модель, порождающую тот или иной тип культуры или цивилизации соответствующей культуры или цивилизации, которая раскрывается в ее истории. Двойственность отечественной национально-цивилизационной идеи он выражает формулой «*призвание России*», в которую вкладывает несколько смыслов. Первый и наиболее очевидный – Россия предназначена для осуществления своей миссии, возложенной на нее некой высшей силой. Отсюда вытекают и второй смысл – Россию сознательно или бессознательно призывают к этому же все остальные народы, и третий – Россию призывают к этому, угадывая ее миссию, наиболее глубокие мыслители. Пытаясь угадать «*призвание России*», особое внимание исследователь уделяет структурам отечественной истории, выявлению важнейших когнитивных матриц (*духовных комплексов*) осмысления политики, постоянно воспроизводящихся и в идейной жизни нашей страны, и в самой ее политической истории ⁴².

⁴¹ Митрошенков О. А. Русская философия. Имена и идеи. М. : РАГС, 2008. С. 14.

⁴² Ильин М. В. Призвание России // Национальная идея: история, идеология, миф. М. : Современная экономика и право, 2004. С. 509–554.

А.А. Казанцев предлагает когнитивную схему, то есть набор ключевых политически значимых моментов «русской идеи» и анализирует возможные метафорические связи между ними. В результате его *схема предстает в виде набора шести элементов (Россия, народ, власть, интеллигенция, модерн (рациональность), Запад)*, которые определенным образом соотносятся между собой. Все возможное богатство их соотношений, по сути, и представляет собой метафорические возможности «русской идеи». Затем эти метафорические возможности «разворачиваются» в виде той или иной историософской конструкции ⁴³.

Помимо разработок названных авторов, в постсоветский период выходит ряд коллективных работ и монографий ⁴⁴, в которых предлагаются различные трактовки национальной идеи, рассматриваются вопросы национальных отношений, особенности русского характера, анализируются ее исторические, идеологические, социокультурные аспекты, причем не только России, но и других стран и регионов мира *. В их числе особое место занимает скандально

⁴³ Казанцев А. А. Грамматика русской идеи, Или как создавать новые идеологии в России? URL: <https://mgimo.ru/files/33877/33877.pdf>

⁴⁴ В том числе:

Русский народ: историческая судьба в XX веке / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин, В. А. Корецкий. М. : МГУ, 1993;

Национальная идея: история, идеология, миф / отв. ред. Г. Ю. Семигин. М. : ИСП РАН, 2004;

Национальная идея на европейском пространстве в XX веке : в 2 кн. М. : ИВИ РАН, 2005;

Национальная идея: страны, народы, социумы / отв. ред. Ю. С. Оганисян. М. : ИС РАН, 2007;

Режим Путина: идеи и практика / Г. В.Голосов, Л. Е. Беляхер, К. Е. Коктыш [и др.] ; вступ. сл. Г. Каспаров. М. : Секачев, 2005.

* Значительный интерес проблематика национальной идеи приобретает в странах, входивших в бывшую социалистическую систему. Особое место в исследованиях польских (А. Мицкевич, Ю. Мерошевский, Е. Гедройч, З. Бжезинский и другие) и украинских (С. Рымаренко, В. Лисовой и другие) авторов заняла «европейская идея» как одна из современных вариаций национальной идеи. Более подробно смотри:

Евзеров Р. Я. Украинская национальная идея // Национальная идея. Страны, народы, социумы. М. : Наука, 2007. С. 309–333;

Яжборовская И. С. Смена парадигмы национальной идеи в современной Польше // Национальная идея. Страны, народы, социумы. М. : Наука, 2007. С. 385–409.

известная работа «Россия в поисках идеи»⁴⁵, вышедшая в середине 90-х годов XX века под редакцией Г.А. Сатарова в качестве отклика на призыв Б.Н. Ельцина «создать» национальную идею, в которой отечественные политтехнологи и группа консультантов при Администрации Президента Российской Федерации предприняли попытку систематизации некоторых методологических подходов к социально-политическому пониманию категории «идея» и ее формулировки в качестве своего рода «гражданской религии».

Значимой с точки зрения *взаимосвязи национальной идеи и идентичности* представляется коллективная монография «Культурная память в контексте формирования национальной идеи России в 21 веке»⁴⁶, авторы которой считают, что формирование национальной идеи непосредственно зависит от «политики идентичности» и «политики памяти» в современной России. Они обосновывают тезисы о сущностной взаимосвязи коллективной памяти и любой формы идентичности (в том числе национальной); ее основополагающем значении в формировании социальной солидарности; о манипуляции памятью или «политике памяти», которая является наиболее эффективной стратегией в области «политики идентичности», позволяющей создавать, уничтожать или корректировать те или иные образы прошлого, изменяя тем самым у социальной общности образ себя и окружающих. В монографии утверждается, что выработка стратегий адекватного позиционирования России в глобальном мемориально-медийном пространстве является одной из наиболее актуальных задач современной культурной политики страны в контексте формирования общенациональной идеи XXI века.

⁴⁵ Россия в поисках идеи (анализ прессы) / отв. ред. Г. А. Сатаров. М. : Издательство Управления делами Президента Российской Федерации, 1997.

⁴⁶ Культурная память в контексте формирования национальной идеи России в 21 веке // Коллективная монография – результат выполнения проекта Российского института культурологии в рамках государственного контракта № 927-01-41/06-11 от 19 мая 2011 года под руководством К.Э. Разлогова, в котором приняли участие О.Н. Астафьева, А.Г. Васильев, Т.Н. Золотова, Н.А. Кочеляева, К.Э. Разлогов, А.П. Сорокин, В.О. Чистякова, А.С. Чижишева. URL: https://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2012/19_11_2012_7.pdf

Существенный вклад в исследование национальной идеи внесли авторы коллективного труда – сборника «Россия на пути консолидации»⁴⁷ Института философии Российской академии наук, в котором представлен философско-социологический анализ фундаментальных аксиологических ориентиров, определивших цивилизационный выбор России, рассматривается процесс ее цивилизационной идентификации, а также исторические модификации, особенности становления и проявлений идеи нации на современном этапе. Отличительными чертами монографии являются:

- анализ вестернизации ценностной системы России и особой роли церкви в процессе консолидации общества в истории и на современном этапе;
- акцент на позитивной роли кросскультурного диалога в преодолении межэтнических и религиозных конфликтов;
- изучение на конкретном социологическом материале социальной адаптации и интеграции иммигрантских сообществ в качестве ресурса стабильности.

В сборнике обосновывается точка зрения, согласно которой национальная идея России, учитывая исторические и социокультурные особенности развития российского государства, не может быть исключительно идеей для России. По мнению авторского коллектива, специфика российской государственности и российской культуры таковы, что идея, которая может быть сформулирована отечественным интеллектуальным сообществом на современном этапе и рассматриваться в качестве фундамента отечественной внутренней и внешней политики, должна быть ориентирована на построение более справедливого социального и политического порядка как внутри России, так и за ее пределами. Другими словами, идея России XXI века должна стать одновременно и идеей для всего остального мира.

Один из авторов монографии Г. Ю. Канарш⁴⁸ предложил по возможности не связывать национальную идею с теми или иными существующими в актуальном политическом дискурсе идеологемами,

⁴⁷ Россия на пути консолидации : сборник статей. СПб. : Нестор- История, 2015. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/Russia_Konsolid_2015.pdf

⁴⁸ Там же. С. 107.

сосредоточившись на философском анализе социальных, культурных и ментальных факторов ее формирования в истории России. В связи с этим автор проводит обзор ее исторических форм – «русской идеи», появившийся в начале 1860-х годов в трудах Ф.М. Достоевского, и «социалистической идеи» (или «идеи коммунизма») в качестве идеологической основы функционирования советского социалистического государства. Обе эти исторические формы национальной идеи коррелируют с национально-психологическими особенностями русского народа («русским национальным характером»). Поэтому обосновывается тезис о том, что сегодня общенациональной идеей России могла бы стать *идея социальной справедливости*, наиболее укорененная в национальной культуре и получившая особую актуальность в условиях постсоветского периода.

И, наконец, наиболее фундаментальное и полное исследование в этой области было проведено экспертами Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования *. Под девизом «*Моя страна должна быть и должна быть всегда!*» было предложено гуманитарное, политическое и экономическое измерение национальной идеи, которая рассматривается авторским коллективом в качестве своего рода *критерия жизнеспособности нации*. Результатом деятельности Центра в этом направлении стала коллективная монография «Национальная идея России»⁴⁹, в которой соединены фундаментальный, прикладной и практический уровни экспертного познания с проектированием и разработкой управленческих документов и программ, в том числе «Доктрины безопасности и развития России» в качестве программно-управленческого документа и научного макета новой Конституции России как результата правового воплощения национальной идеи⁵⁰.

Отличительной чертой научной методологии этой работы является сочетание компаративного, корреляционного, регрессионного

* Основные разработки и идеи Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования легли в основу деятельности Центра научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина). URL: <http://rusrand.ru>

⁴⁹ Национальная идея России : в 6 т. М. : Научный эксперт, 2012.

⁵⁰ Там же. Т. VI. С. 4021–4425.

и феноменологического методов доказательства цивилизационной идентичности России, ее факторного профиля жизнеспособности и набора конкретных оптимальных значений факторов, которые, по мнению авторов, могут быть операционализированы в государственном программировании и управлении развитием страны.

Особым достижением авторов монографии можно считать разработку словаря ключевых терминов, в котором национальная идея определена как «устойчивое представление индивида об основополагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания»⁵¹. Подчеркивается, что национальная идея в основном адресована внутрь страны, а ее компонент, обращенный к внешнему миру, в авторском словаре именуется мессианской идеей, причем оба компонента связаны, но не тождественны. В числе основополагающих, смежных с идеей понятий авторский коллектив предложил следующие⁵²:

- страна (государство в широком смысле) – это существующий и развивающийся во времени и пространстве «живой» организм, образованный территорией, народонаселением, проживающим на ней, и скрепленный единым государственным управлением; государство (в узком смысле) – созданный обществом институт (аппарат) единого управления на территории;
- смысл существования страны I (как формы сущности) – это сам факт существования ее в настоящем и гарантированности ее существования в будущем (это – «быть»); смысл существования страны II (как содержания сущности) – это устремленность к достижению определенных качеств и состояний как собственного существования, так и в человечестве и мире (это – «каким именно быть»);
- жизнеспособность страны – это ее способность существовать и воспроизводить (сохранять) себя в своей идентичности во времени; факторы жизнеспособности – это причины, обстоятельства, потенциалы, состояния институтов, отношений, систем, влияющие на жизнеспособность страны;

⁵¹ Там же. Т. I. С. 13.

⁵² Там же. Т. I. С. 13–14.

-
-
- образующие начала страны как формы – территория, народонаселение, единое государственное управление, которые формируют *коэффициент жизнеспособности страны*;
 - миссия России I (в узком смысле) – обеспечение территориальной целостности, прогрессивного демографического развития, эффективного управления; миссия России II (в широком смысле) – спасти себя и мир от «расчеловечивания»;
 - высшие ценности государства – это перечень факторов жизнеспособности страны, закреплённый нормативно-правовым образом *.

Обзор отечественных исследований национальной идеи пост-

* Среди основополагающих понятий коллектив Центра выделил следующие ценностные ориентиры:

- цивилизационно-ценностная российская идентичность;
- служение Российского государства народу России;
- единство, неделимость, территориальная целостность и суверенность России;
- человеческая жизнь, достоинство и свобода человека;
- гармоничное развитие личности;
- патриотичность и любовь к Родине;
- честность, совесть и нравственность;
- единство, дружба и братская солидарность русского и всех российских народов;
- идейно-духовная мировоззренческая мотивированность человека и общества, религиозность, устремленность к идеалу;
- нестяжательство и преобладание духовно-нравственных интересов над материальными;
- терпимость к людям и неприятие расовой, национальной, религиозной и социальной дискриминации;
- трудолюбие;
- коллективность и взаимопомощь;
- альтруизм и сопереживание;
- гуманизм и взаимное уважение людей;
- любовь и семейность;
- устремленность к творчеству;
- забота о сохранении и умножении общественного достояния;
- сочетание традиционности и прогресса;
- ответственность за судьбы мира и человечества.

Подробнее см. Национальная идея России : материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 12 ноября 2010 года) / Центр пробл. анализа и гос.-упр. проект. М. : Научный эксперт, 2010. С. 61–62.

советского периода позволяет зафиксировать как минимум *три основных теоретико-методологических подхода* к ее определению:

1) *социокультурный* – наиболее распространенный подход в постсоветском дискурсе, в рамках которого национальная идея рассматривается как система ценностей и приоритетных целей нации, имеющая для неё универсальный смысл;

2) *религиозно-идеалистический* – продуктивный синтез философского наследия прошлого: национальная идея как некая метафизическая реальность – «замысел Бога» или духовно-идеалистическая субстанция – «народный дух», идея Православия, державно-монархические вариации;

3) *рационалистический* – определяющий национальную идею через понятие «национальные интересы» или отождествляющий ее с последними, в рамках которого она, по сути, синонимична категории «идеология»⁵³

Обзор позволяет выделить и *три основных значения* общенациональной идеи, которые также должны быть учтены в ходе дальнейших разработок, а именно:

1) идея нации как выражение особенности национального самосознания, одним из слагаемых которой служат особые этнографические черты «русского» *;

2) идея, обозначающая национальный идеал, мечту;

3) общенациональная идея, разделяемая большинством граждан страны, способствующая гражданскому единству⁵⁴.

Очевидно, что такое *многоаспектное, многогранное* понятие, как национальная идея, может быть в полной мере раскрыто только с помощью синтеза всех перечисленных подходов и значений, поскольку это и объединяющий нацию набор символов и ценностей, и

⁵³ См. *Фогель М. В.* Роль национальной идеи в современном политическом развитии России и Германии : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. С. 54.

* Здесь речь идет, скорее, о чертах характера, воли и разума, морально-этических, а не антропологических, то есть не об этническом русском, а о гражданине России. В этом отношении для нации важно не только то, что она объективно представляет собой, но и то, как она себя субъективно воспринимает.

⁵⁴ См. *Национальная идея. Страны, народы, социумы.* М. : Наука, 2007. С. 309.

совокупность приоритетных национальных интересов, и некая миссия нации. Национальная идея аккумулирует и видение прошлого, и ощущение настоящего, и представления о будущем. Она жизнеспособна, если представляет собой определенный *символический синтез* бытия нации. Только так обеспечиваются ее преемственность и сохранение, так как в ее эксплицитном существовании остается смысл⁵⁵.

Национальная идея детерминирует направление становления и эволюции национального самосознания народа. С одной стороны, она представляет собой совокупность идей, составляющих системообразующую общественно-развития страны на различных этапах «самовозрастания» национального самосознания народа (ее внутренняя сторона). С другой стороны, это способ реализации стратегических целей и решение важнейших задач, стоящих перед обществом (ее внешняя сторона).

Большинство авторов постсоветского периода сходятся в том, что сегодня невозможно создать оптимальный проект развития страны в форме национальной идеи исключительно в рамках классической науки*, поэтому следует использовать оптимальное сочетание различных неклассических методик, которые могут дать разные результаты в разных системах координат и содержать разное видение оптимального в идее нации, государства, цивилизации. Но именно их синтез позволит определить основные компоненты аксиологического фундамента российского общества и государства, отвечающего современному контексту.

Таким образом, несмотря на значительные достижения в разработке различных проектов национальной идеи, в современной отечественной социально-философской и общественно-политической литературе ее осмысление имеет концептуально разрозненный характер, отсутствует целостный методологический подход, конкретно не определена ее роль в дальнейшем развитии российского общества. В связи с этим необходим последовательный политико-

⁵⁵ Там же. С. 11.

* Одним из проявлений классических форм был марксизм, в рамках которого предполагалось, что есть некая единая система координат, единые законы, а отсюда – единое видение оптимального, соответствующего объективной закономерности.

философский анализ, который позволил бы обобщить научные достижения в этой области и выявить предпосылки и перспективы становления общенациональной идеи России XXI века.

1.2. Идея, идеология, идентичность: область взаимодействия

Как уже отмечалось, в условиях социально-политического и аксиологического контекста современной России проблема поиска общенациональной идеи, консолидирующей общество и укрепляющей государство, бесспорно, заняла одно из центральных мест в рамках отечественного научно-исследовательского дискурса. В настоящее время в исследовательской среде просматриваются две полярные точки зрения:

1) позиция «абсолютного нигилизма» в том, что касается аксиологической тематики, основной аргумент ее сторонников – позитивистский тезис о торжестве научного, лишенного какой-либо ценностной окраски знания;

2) позиция, сторонники которой подчеркивают особую значимость проблематики «идеальных» факторов в ракурсе развития и укрепления государственности страны, обеспечения ее безопасности и территориальной целостности, но зачастую обосновывают свои выводы исключительно с помощью эмоциональной «псевдонаучной» риторики.

Это объясняется тем, что в российской науке до сих пор значение категории «национальная идея» трактуется и используется по-разному. Подобная методологическая неразбериха и неразработанность категориального аппарата существенно затрудняет не только ее научное осмысление, но и последующую концептуализацию. Национальную идею зачастую отождествляют и путают с категориями «идеология» и «идентичность». Такой редуccionизм вполне объясним этимологическим и смысловым сходством этих понятий. Для преодоления дефиниционного хаоса в этой области целесообразно обратиться к анализу соотношения теоретико-методологических аспектов национальной идеи, идеологии, идентичности ⁵⁶.

⁵⁶ Подробнее см. *Коровникова Н. А.* Идея, идеология, идентичность: к определению проблемного поля // СОТИС – социальные технологии, исследования. 2017. № 5. С. 35–40.

Национальная идея

Национальная идея как сложносоставная, многогранная, философская категория может быть в полной мере раскрыта только с помощью обобщения и синтеза всех современных и классических подходов к ее изучению. Проведенный обзор результатов отечественного научно-исследовательского дискурса по национальной идее позволил зафиксировать три приведенных нами в разделе 1.1 подхода к ее определению:

- 1) *религиозно-идеалистический*;
- 2) *социокультурный*;
- 3) *рационалистический*.

На основе синтеза этих подходов можно предложить следующую рабочую версию определения национальной идеи, которая подчеркивает ценностно-телеологический характер этой категории: *«национальная идея – это совокупность фундаментальных ценностей и интересов, которые формируют определенный культурный, нравственный идеал как основную цель развития общества»*⁵⁷.

Чтобы стать общенациональным идеалом, смысловым ориентиром, целью развития российского общества и государства, соответствовать тенденциям и особенностям современного социально-политического, экономического и культурного контекста, национальная идея должна отвечать следующим характеристикам:

- *надэтничность* – несводимость национальной идеи к чисто этнической составляющей, ее масштабы должны быть цивилизационными;
- *эндогенность* – невозможность «навязывания» национальной идеи народу «извне» и «сверху»; генезис идеи имеет эндогенный характер, она рождается «снизу» и «изнутри» исходя из выработанных веками ценностных ориентиров, является результатом коллективной творческой деятельности;
- *баланс религиозного и светского наполнения* – бесспорно, что ментальное пространство большинства российских граждан определяют ценностные каноны православия, причем для

⁵⁷ *Коровникова Н. А.* Предпосылки и перспективы формирования национальной идеи современной России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 47.

многих россиян это не просто религия, а символ русской цивилизации, в то же время нельзя забывать о поликонфессиональности и светском характере Российского государства;

- *изменчивость во времени и пространстве* – невозможно выдвинуть одну национальную идею на все времена и для всех народов, она должна быть *актуальной*, но аккумулирующей ценностные константы, которые отражают наиболее устойчивые характеристики российской государственности;
- *футуристичность* – национальная идея должна задавать определенный ценностно-телеологический идеал будущего устройства общества и государства;
- *жизнеспособность* – национальная идея не может быть краткосрочным политическим проектом, она определяет ценностные ориентиры народа в долгосрочной перспективе.

Чтобы соответствовать этим характеристикам, национальная идея должна *синтезировать* в себе как самобытные компоненты, так и результаты заимствования, адаптации или синкретизма, отражая «*оптимальную меру традиции и модернизации*»⁵⁸.

Идеология

Как писал С.Л. Франк, «всякая политика должна руководствоваться общими идеями»⁵⁹. При этом именно идеология и есть тот социальный феномен, который проявляется главным образом в сфере политических отношений; употребляется для характеристики рационально-ценностной мотивации политического поведения и мировоззренческой основы политики. Таким образом, через взаимосвязь и взаимодействие этих двух категорий выявляются политическая компонента национальной идеи, возможность ее воплощения в политической практике, ее связь с политической сферой жизнедеятельности общества, ее влияние на политический процесс.

Идеология как квинтэссенция общественных интересов анализирует и конкретизирует национальную идею применительно

⁵⁸ Орлов И. Б. Национальная идея России в истории мысли. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/56/15091992636cbcb086d98f3f92b633b55d69515d5d/Национальная%20идея%20России.pdf>

⁵⁹ Франк С. Л. Политика и идеи. М. : Издательство «Правда», 1990. С. 68.

к конкретному социально-политическому контексту. Другими словами, *идеология* – «объективированная во времени форма национальной идеи, отражающая государственно-историческое самосознание нации на данном этапе истории»⁶⁰.

Очевидно, что «национальная идея» и «идеология» – очень близкие категории, поскольку объединены:

1) *общим значением* – это в обоих случаях некоторая *идея*, признанная обществом или навязанная ему элитарными, властными структурами;

2) *структурными элементами* – в структуре национальной идеи можно выделить следующие элементы:

- политические теории и идеи;
- общественно-политические идеалы;
- ценности, политические символы, формирующие теоретико-концептуальную и символическую стороны идеологии, практический прикладной аспект которой образуется с помощью концепций политического развития, политических программ и доктрин;

3) выполняемыми ими *функциями* – телеологической (целеориентационной), интеграционной, мобилизационной и пропагандистски просветительской, а также функциями легитимации власти и *идентификации*.

Тем не менее эти две категории имеют существенные смысловые отличия, которые в то же время позволяют им дополнять друг друга не только в теоретической, но и практической плоскостях, а именно⁶¹:

1) *национальная идея* как категория, в первую очередь *духовно-нравственная*, выступает в качестве ценностного критерия, ориентира, регулятивного принципа, определяющего функционирование всех сфер жизнедеятельности общества, в то время как *идеология* – категория *политическая*, в основном она детерминирует характер и структуру политической системы, динамику протекания политических процессов;

⁶⁰ Коровникова Н. А. Национальная идея: идеологический аспект // Национальная идея России : материалы Всероссийской научной конференции. М. : Научный эксперт, 2011. С. 198.

⁶¹ Там же. С. 198–199.

2) *идеология*, которая может быть подвергнута социологическому измерению, *эмпирична* по своему формообразованию, *национальная идея*, которая подлжит философскому осмыслению, *метафизична*. В этом и заключается глубокое, до конца непреодолимое противоречие – сложность анализа и измерения национальной идеи с помощью инструментария статистических количественных методов провоцирует критику этой категории, придающей ей статус антинаучности, а инструментально-эмпирический характер идеологии позволяет нащупать новые возможности для более глубокого и аргументированного анализа национальной идеи, по крайней мере в контексте политической сферы;

3) *идеология* не только отражает коллективные интересы и ценности, формулирует на их основе цели деятельности, но и в программной форме *обосновывает пути и средства их достижения и реализации* *, в то время как *национальная идея* выступает, скорее, как *критерий оценки этих действий*;

4) если *идеология рационально осмысливается*, вырабатывается и вербализуется идеологами-аналитиками, то *национальная идея формируется во многом спонтанно* в процессе развития национального самосознания, формирования идентичности, ее продуцирует множество людей;

5) как уже было отмечено, идеология в усеченном виде может быть определена как концентрированное выражение *интересов*, в то время как *национальная идея* имеет более универсальный и *аксиологический* характер. Как справедливо заметил В.М. Межуев, «в интересе выражено то, что народ или человек хочет для себя, в идее – то, что он хочет и для других, в принципе – для всех. Идея, другими словами, – это тоже чей-то интерес, но получивший форму

* Далее будет обоснован тезис о том, что идеология – это не только представление о природе «политического» и «хорошего» общества и совокупность нормативных идей, которые формируют идеал и призваны обеспечить массовую поддержку этих идей через агитацию в их пользу, но, что очень важно, это практические проекты, которые дают начало политическим стратегиям и тактикам, моделям политической деятельности. В подобном контексте справедливо назвать идеологию «системой идей, связанных с действием» (см. *Швармантель Д.* Идеология и политика. Х. : Издательство «Гуманитарный центр», 2009).

всеобщей нормы и правила, заключающий в себе представление о желаемом, должном, необходимом для всех общественном порядке»⁶².

И, наконец, учитывая то, что идеология является звеном, которое связывает национальную идею и политическую практику, *институционализация национальной идеи* в политико-правовых документах может быть осуществлена именно посредством формализации в них ее идеологического аспекта. В то же время национальная идея – это формула, из которой может родиться идеологическая концепция, соответствующая запросам современности.

Идентичность

В ракурсе настоящего исследования речь идет о национально-цивилизационной идентичности россиян (*макроидентичности* *), которая представляет собой своего рода интегральную, доминантную характеристику духовно-нравственных, социально-политических, культурологических аспектов в сознании российского социума. Если речь идет о макроидентичности на уровне нации-государства как целостного территориально-политического и социально-культурного образования, то в истории России достаточно примеров ** того, что *национальная идея, по сути, служила механизмом ее обретения, а идеология, в свою очередь, и выступала своего рода ее основанием и рационально-логическим обоснованием.*

⁶² *Межуев В. М.* Гуманитарная наука и идеология. Российская гуманитарная наука: генезис и состояние // *Материалы постоянно действующего научного семинара.* М. : Научный эксперт, 2007. Вып. № 2. С. 28. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/Cm/8-39.pdf>

* В общих терминах *макроидентичность* можно определить как свойство, чувство, форму отождествления индивида с определенным социально-культурным образованием, которая на государственно-политическом уровне выступает в качестве детерминанты, определяющей характер и содержание идентификационных структур и процессов на микро- (индивидуальном) и мезо- (групповом) уровнях.

** Достаточно обратиться к официальным версиям национальной идеи в истории России, которые базировались на институциональных, правовых основах. Например, «Православие. Самодержавие. Народность» и «русский народ» – в Российской империи; «марксизм-ленинизм» и «советский народ» – в СССР.

Взаимообусловленность категорий «идеология» и «идентичность» проявляется в том, что, с одной стороны, *идентичность является индикатором витальности и эффективности идеологии, а, с другой, идеология – это среда формирования идентичности.*

Проиллюстрируем характер их взаимодействия в упрощенном виде ⁶³:

1) *абсолютное несовпадение.* Пример – постперестроечный период начала 1990-х годов, когда на остатки советской идентичности российские реформаторы попытались «насадить» идеологические установки либерального толка. Эти процессы привели к частичной деформации общественного сознания и аксиологического пространства в направлении западных стандартов;

2) конструктивное *взаимодействие* плюралистических идейно-аксиологических представлений на базе согласия по ключевым вопросам. Для достижения этой вариации целесообразно выявить ключевые закономерности, тенденции и векторы взаимодействия идеологических и идентификационных дискурсивных полей, учитывая специфику российского социально-политического и аксиологического пространства;

3) *совпадение*, например соответствие «советской» идентичности советскому варианту коммунизма (марксизма-ленинизма).

Причем представляется целесообразным осуществлять поиск национальной идеи, ее основополагающих ценностных оснований в области совпадения актуальных идеологических концепций и идентификационных структур общественного сознания.

Представляется очевидной тесная взаимосвязь макроидентичности и национальной идеи, поскольку они схожи по структуре, функциям и назначению. Характер национальной идеи детерминруется особенностями макроидентичности, так как в широком

⁶³ См. *Коровникова Н. А.* Трансформация идентификационных структур в социально-политическом пространстве современной России // *Открывая современность заново : сборник научных статей преподавателей и аспирантов факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, посвященный 15-летию факультета / под ред. Н. С. Кирабаева.* М. : РУДН, 2011. С. 203.

Более подробно вариации взаимодействия идентификационного и идеологического дискурсивных полей будут рассмотрены в разделе 3.1. Идентификационные структуры и процессы в современной России.

смысле *национальная идея* выступает *результатом осмысления и осознания* не просто национальной, а цивилизационной *идентичности*. В то же время *национальная идея* представляет собой *механизм поиска и обретения макроидентичности* через самоопределение и самоутверждение нации в мировом пространстве. Это особенно важно на современном этапе, поскольку защита государственных интересов на международной арене с позиций цивилизационной самоидентификации становится характерной чертой и условием современного политического процесса.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что макроидентичность формируется на базе осознания и понимания цивилизационных интересов и ценностных констант аксиологического пространства. Но для того чтобы интерес созрел до уровня общенационального идеала и цели, а также был сформулирован и институционализирован в идеологической концепции, он должен пройти стадию цивилизационной идентификации, результаты которой воплощаются в национальной идее и конкретизируются идеологией в соответствии с состоянием социально-политической и духовно-культурной конъюнктуры, обеспечивая соответствующий уровень адекватности вызовам современности.

2. ИДЕОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

2.1. Идеология versus наука *: общее и особенное

После распада СССР девальвация советского варианта коммунистической идеологии, аксиологических ориентиров советского народа привела к тому, что идеология была дискредитирована как объективная социально-философская категория, а некоторые исследователи даже объявили ее «антинаучной». В связи с этим прежде чем приступить к анализу реалий идеологического пространства современной России представляется эвристически значимым рассмотреть теоретические характеристики этой сложной, многогранной и даже противоречивой категории. Следует отметить, что на современном витке развития идеологического пространства эта задача осложняется противоречивостью подходов к интерпретации и последующей операционализации понятия «идеология» **, учитывая дискурсивную природу этого многоаспектного «мультиконцептуального конструкта ... со множеством внутренних комбинаций» ⁶⁴.

* Речь идет о совокупности гуманитарных и социальных наук, предметной областью которых выступает вся совокупность наук о человеке, его бытии в ракурсе общественной деятельности, в центре которой стоит «свободная человеческая индивидуальность, как она дает о себе знать в акте межчеловеческой коммуникации и общения, в процессе диалога людей друг с другом» (см. *Межуев В. М.* Гуманитарная наука и идеология. Российская гуманитарная наука: генезис и состояние // Материалы постоянно действующего научного семинара. М. : Научный эксперт, 2007. Вып. № 2. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/Cm/8-39.pdf>).

** В качестве обобщающей рабочей дефиниции может быть предложена следующая: «Идеология как целостный, внутренне связанный набор идей, который выражает рациональные (интересы) и аксиологические (ценности) основания социума; отвечает требованиям социально-политического контекста современности, объективным закономерностям развития, их специфике на уровне национально-государственного образования; служит основой политического порядка и методов его обеспечения; является своего рода критерием эффективности, успешности и витальности социума».

⁶⁴ *Freeden M.* Ideology: A Very Short Introduction. Oxford University Press. 2003. Цит. по: Шварцмантель Д. Идеология и политика. Х. : Издательство «Гуманитарный центр», 2009.

Интродукция идеологии в научный оборот в качестве «науки об идеях», объясняющей природу, сущность, универсальные законы генезиса, эволюции и функционирования идей, породила своего рода общеизвестную дихотомию «идеология – наука», как двух полярных систем знания, типов мышления, социально-культурных явлений. Эта проблема и сегодня занимает одно из центральных мест в области исследований «идеальных» факторов общественного развития и приобретает особую актуальность для современной России.

Для преодоления «противоборства» идеологии и науки необходимо четко очертить границы и соотношение «идеологического» и «научного» пространств. В исследовательской среде широко известны два подхода относительно хронологического становления этих ментальных систем. Согласно первому подходу история идеологии как совокупности идей, служащих базой формирования идентичности как на микроиндивидуальном, групповом, так и на макросоциальном уровнях*, как культурного феномена, опосредующего общественное сознание, совпадает с историей развития человеческого социума. Тогда мифология и религия с определенными оговорками могут быть рассмотрены в качестве ее архаических форм. В то же время такая позиция обнажает проблему нерелексивного характера идеологии для массового сознания как формы иррационального познания, базирующаяся в основном на эмоционально-чувственных образованиях в общественном сознании. Следуя веберовской традиции, многие исследовательские школы относят идеологию к области веры, отрицая, таким образом, саму постановку вопроса о ее научности. Например, У. Матц констатирует, что идеологии вовсе не являются следствием и отражением социальных процессов, а, напротив, искусственно сформированы интеллектуальной элитой, навязаны социуму и поэтому детерминируют прежде всего мифологическую составляющую общественного мнения⁶⁵.

* В этом случае идеология понимается как комплекс идей и концепций, с помощью которого человек понимает общество, социальный порядок и самого себя в этом обществе и мире.

⁶⁵ См. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/

Подобные рассуждения существенно ограничивают функциональное значение идеологии, сужают ее понятие до ложного истолкования действительности под воздействием группового эгоизма и интереса, своего рода синонима ложного сознания, выдающего особый интерес за всеобщий и придающего частному мнению видимость науки ⁶⁶. В подобном ракурсе идеология представляется как реальная угроза духовной и интеллектуальной свободе каждого индивида, как своеобразная диктатура коллективно-группового, классово-обезличенного сознания над сознанием индивидуальным, как отчужденное от индивида и доминирующее над ним сознание.

Действительно, подобная трактовка идеологии исключительно как формы группового сознания обосновывает ее несовместимость с научным знанием, которое базируется на принципах универсальности и истинности. Но, как мы уже отмечали, такой подход редуцирует саму категорию идеологии исключительно к деструктивному аспекту, поэтому его нельзя считать целостным и всесторонним, учитывая качественно иную «надклассовую» природу, которую идеология приобретает в социально-политическом, духовно-культурном контексте современности. Соответственно, целесообразно иначе взглянуть на соотношение науки и идеологии как систем знаний, взаимодействие которых представляет собой многоаспектный и качественно разноплановый спектр.

M/1992-1-12-Matz-Ideologii_kak_determinanta_politiki.pdf

В этой работе исследователь выделил следующие *признаки идеологии*:

- идеология есть в принципе религиозно мотивированная, но по своему содержанию секуляризирующая система ориентаций («эрзац-религия»);
- идеология по сути революционна;
- идеология есть картина мира, сложившаяся в ходе систематического редуцирования сложной действительности;
- идеология создает ориентационный и мобилизационный потенциал и дает возможность идеологической политике и ее носителям явить себя в качестве эпохального движения;
- идеологическая политика имеет опору в трансцендентном по отношению к обществу принципе, который обществу навязывается диктаторским способом.

⁶⁶ См. Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. ; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер [и др.]. М. : Юрист, 1994. URL: <http://padaread.com/?book=38936>

Сторонники второго подхода постулируют, что идеология появилась в конкретный исторический период (на что непосредственно указывает введение французскими сенсуалистами термина, обозначающего «науку об идеях»⁶⁷), а именно на стадии раннего модерна, хотя уже эпоху Просвещения исследователи считают периодом протоидеологии. Следуя этой логике, генезис и последующее становление идеологии и науки* происходило практически параллельно. В этом контексте интересной представляется концепция, предложенная А. Гоулднером⁶⁸, согласно которой идеология возникает в связи с коллапсом «старых режимов» не просто как потенциальный объект социальных наук, а скорее, как их «граница», которая растет со времен их одновременного зарождения в эпоху Просвещения. Идеология представляют собой символическую систему, знаменующую возникновение нового способа социально-политического дискурса, мобилизующего к действию уже не за счет привлечения авторитета, традиции или эмоциональной риторики, а средствами секуляризированной и рациональной теории. А. Гоулднер делает важнейший вывод об отделении идеологии от мифологического или религиозного сознания, поскольку она объясняет реалии с помощью логики, что опровергает ее иррациональный характер.

В рамках второго подхода идеологию можно рассматривать как своего рода производную от религии в том смысле, что в эпоху раннего модерна произошел распад до этого доминировавшей целостной единой религиозной мировоззренческой системы на три самостоятельные идейные подсистемы:

1) собственно *религия* – область веры, всеобщее иррационально-го знания;

2) *наука* – область разума, всеобщее рационального знания;

⁶⁷ См. *Дестют де Траси А.-Л.-К.* Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д. А. Ланина. М. : Академический Проект ; Альма Матер, 2013. URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_poznaniya/destjut_de_trasi_osnovy_ideologii_sobstvennom_smysle_slova/45-1-0-4735

* Речь идет о европейской науке (науке Нового времени) как особом явлении культуры, на котором базировались общества индустриальной эпохи.

⁶⁸ *Gouldner A.* The Dialectic of Ideology and Technology: The Origins, Grammar and Future of Ideology. London: Macmillan, 1976.

3) *идеология* – область социального интереса, то есть ограниченного рационального знания.

Здесь следует оговориться о том, что любая идеология имеет политический характер. То есть понятия «идеология» и «политическая идеология», по сути, синонимичны, а прилагательное «политическая» подчеркивает тот факт, что идеология представляет собой социальный феномен, который проявляется главным образом в сфере политических отношений. Термин «политическая идеология» употребляется для характеристики рационально-ценностной мотивации политического поведения и мировоззренческой основы политики, для обоснования притязаний общественных групп на власть и ее использование. Кроме того, идеология напрямую коррелирует с политическими интересами ее носителей, которые представляют собой социальные блага, доступ к которым может быть обеспечен в результате решений органов государственной власти⁶⁹.

Следует добавить, что политическая идеология по сравнению с идеологией как исключительно философской категорией более отчетливо ориентирована на практическое политическое действие, реальное влияние на политическое поведение тех или иных акторов. Так, американский ученый К. Фридрих называет политическую идеологию «идеями – в – действии»⁷⁰.

Области «идеологического» и «научного»* оказываются в своего рода оппозиции к религиозной подсистеме как формы рационального познания, одновременно соприкасаясь и конкурируя друг с другом. Этот подход позволяет дифференцировать идеологию и науку и в то же время утверждать их взаимодополняющий характер как источников рационального соотношения сознания и бытия, секуляризированного, логичного отношения к реальности. Хотя, безусловно, нельзя утверждать тождество науки и идеологии ввиду целого ряда *отличительных признаков*.

⁶⁹ См. *Мельник В. А.* Политические идеологии : учебное пособие. Минск : Выш. шк., 2009. С. 30.

⁷⁰ Политология : учебник / А. Ю. Мельвилъ [и др.]. М., 2004. С. 471. URL: <http://www.alleng.ru/d/polit/pol045.htm>

* Причины, характер и природу конфликта религиозного и научного аспектов общественной жизни см. Russell B. Religion and Science. London : T. Butterworth-Nelson, 1935. URL: <http://ideology.ru/app/sresallid136.htm>

Во-первых, идеология как категория и социально-философский феномен является объектом научного исследования, при этом ни одна из идеологических концепций не может обосновать свое научное превосходство над другой, поэтому все идеологии равны перед наукой и нет такой идеологии, которая для науки была бы более предпочтительна ⁷¹.

Во-вторых, методологический инструментарий идеологии и науки строится на различных подходах и системах аргументации: если наука требует обобщения реальных фактов, анализа закономерностей исторического процесса, выявления причинно-следственных связей, другими словами, это сфера логико-гносеологического знания (в содержание логики входит «само понятие науки, причем это понятие составляет ее конечный результат» ⁷²), то идеология – это в значительной степени социологическая категория и результат анализа социальной структуры общества и общественного сознания с целью их соотнесения с требованиями воспроизводства социальных интеграторов * (термин А. Ахиезера).

В-третьих, идеологий может быть сравнительно много, тогда как наука существует в единственном числе. Другими словами, наука имеет универсалистский всеобъемлющий характер, ее содержание истинно для всего человеческого социума; идеология же может иметь частный, локальный характер, если она ориентирована на конкретную социальную группу **.

⁷¹ Межуев В. М. Гуманитарная наука и идеология. Российская гуманитарная наука: генезис и состояние // Материалы постоянно действующего научного семинара. М. : Научный эксперт, 2007. Вып. № 2. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/Cm/8-39.pdf>

⁷² Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1971. Т. 1. Цит. по: Прудникович Л. А. Наука и идеология : сборник научных трудов / под ред. д-ра пед. наук, проф. Н. К. Сергеева (гл. ред.); канд. филос. наук, доц. А. П. Горячева. Волгоград : Перемена, 1998.

* Под социальными интеграторами автор понимает государство, органы законодательной, исполнительной власти, полицию и т. п., что, по сути, позволяет отождествлять их с политическими институтами.

** Амбивалентный характер традиционных идеологий лево-правого спектра во многом объясняется одновременно универсальными целями и партикулярностью их содержания, что послужило одной из причин их кризисного состояния и последующего краха традиционной идейно-мировоззренческой системы.

В-четвертых, идеологический спор есть спор об интересах, тогда как научный спор – спор об истине, существующей безотносительно любого интереса. Хотя можно согласиться с точкой зрения, согласно которой «идеология так же, как и наука, претендует на постижение и выражение истины, но саму истину и пути ее постижения они понимают неодинаково. Наука стремится выявить объективное положение дел в мире, законы его развития, она стремится опереться на результаты научных исследований в различных областях. Но для идеологии эти задачи всегда определяются ее функцией – выражением и отстаиванием определенных интересов, она выражает не «*порядок вещей*», а, если можно так выразиться, «*порядок людей*». Для нее не может быть истины, очищенной от человеческих интересов, целей, ценностей»⁷³.

В-пятых, в поисках истины⁷⁴ наука может выступать как фактор массового «дискомфортного состояния», противореча одной из основных функций идеологии преодоления всех явлений и процессов, порождающих его.

В-шестых, в зависимости от того, как трактуются *идеи* (как *ценности* или *интересы*) решается и вопрос о соотношении науки и идеологии. В первом случае идеология (как философия) утверждает себя в общественном сознании как особая и самостоятельная форма социальной деятельности, во втором – она полностью отрицается в пользу науки*.

⁷³ См. Прудникович Л. А. Наука и идеология ? сборник научных трудов / под ред. д-ра пед. наук, проф. Н. К. Сергеева (гл. ред.); канд. филос. наук, доц. А. П. Горячева. Волгоград : Перемена, 1998.

⁷⁴ Истина «скучна и многим даже не нужна... Большинству кажется, что в истине сидит правда, хотя для истины нет ничего более чуждого, чем правда с ее моральной экзистенцией. Истина вне морали» (Голосовкер Я. Э. Миф моей жизни // Вопросы философии. 1989 № 2. С. 125).

* За этими двумя трактовками В.М. Межуев справедливо усматривает кантианскую и марксистскую традиции: согласно первой идеи укоренены в разуме (являются «целями разума»), или, иными словами, имеют трансцендентальное происхождение. Отсюда делается вывод о том, что теория, обосновывающая существование ценностей (или идей), может быть только философией, возвышающейся над всеми науками; согласно второй – источником идей являются интересы, и тогда вся философия, имеющая дело с идеями, оказывается всего лишь идеологией –

И, наконец, в-седьмых, наука как всеобщее знание вряд ли сможет в полной мере определять и отражать весь спектр эмоциональных, когнитивных, поведенческих структур на уровне отдельной личности. Более того, научное знание – это неотъемлемый элемент элитарного интеллектуального сознания, в то время как идеология опосредует обыденный массовый уровень аксиологического пространства.

«Водораздел» между областями «идеологического» и «научного» одновременно иллюстрирует их взаимодействие и взаимообусловленность, поскольку «идеология – предмет науки, наука – элемент идеологии»⁷⁵. Отталкиваясь от этого тезиса, можно констатировать следующее:

1) наука открывает для себя идеологию, как минимум, по четырем основным исследовательским направлениям:

- структурное, в рамках которого идеология рассматривается как феномен духовной жизни общества, специфический уровень общественного сознания;
- генетическое, в рамках которого изучаются социокультурные, исторические, политические, экономические и иные условия происхождения идеологий;
- функциональное, которое фокусируется на функциях идеологических социокультурных и политических сред;
- институциональное, изучающее институционализацию идеологии в социальных и социетальных системах⁷⁶;

2) наука, как и идеология, связана с интересами той или иной интеллектуальной исследовательской группы, школы, направления, в рамках которой социально-политический контекст трактуется через призму определенной методологии;

3) идеология может базироваться на научном знании, апеллировать к естественным закономерностям, соответствовать критериям логики и даже претендовать на статус самостоятельного научно-

ложной, неистинной формой сознания (см. *Межуев В. М.* Гуманитарная наука и идеология. Российская гуманитарная наука: генезис и состояние // Материалы постоянно действующего научного семинара. М. : Научный эксперт, 2007. Вып. № 2. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/Cm/8-39.pdf>).

⁷⁵ Ахиезер А. С. Наука и идеология // ОНИС. 1991. № 1. С. 83.

⁷⁶ См. Социологическая энциклопедия. М. : Мысль, 2003. Т. 1. С. 341.

го направления, выступать в форме систематизированного учения (например марксизм-ленинизм);

4) наука может иметь идеологическое измерение и выполнять такие социальные функции идеологии, как мобилизация, интеграция, коммуникация;

5) наука и идеология представляют собой символические системы, вырабатывающие логико-рациональные модели формирования у людей определенного и заранее планируемого способа мышления и поведения;

6) для жизнеспособности идеологии необходимо создание научной базы через теоретическое осмысление и логическую обработку эмпирического материала; именно научный инструментарий позволяет создать эффективный идеологический механизм, соответствующий состоянию и процессам аксиологического пространства в конкретный исторический период;

7) и, наконец, идеология, как и наука, являясь результатом элитарного интеллектуального сознания, может стать своего рода «проводником» результатов научного знания в массовое сознание; например, большим эвристическим потенциалом обладает попытка рационализации и конкретизации через идеологию одной из основных категорий философской науки – Идеи *, а в перспективе и возможность ее институционализации в политико-правовых документах именно посредством формализации в них ее идеологического аспекта.

Таким образом, при постановке проблемы противоречий «идеологического» и «научного» следует иметь в виду, что если трактовать науку в одной плоскости как систему объективированных и систематизированных знаний, которые имеют универсальный, вневременной характер, то полярное противопоставление ее идеологии как категории социальной, аксиологической в определенной степени оправдано. Но в том случае, если при анализе реального социально-политического пространства рассматривать науку как социальный институт и вид общественной деятельности коллектив-

* Здесь речь идет об *Идее* того или иного социума как особого цивилизационного пространства (культурно-мировоззренческий аспект) и самостоятельного государства-нации (социально-политический аспект).

ного субъекта (научного сообщества), сразу же обнаруживается непосредственное и необходимое участие научной интеллектуальной элиты в становлении и развитии идеологического дискурса *.

Прежде чем приступить к прикладному измерению идеологии и анализу реалий идеологического пространства, следует определить область его исследования. Идеологическую сферу можно представить как особую область аксиологического пространства социума, как концентрированное и институционализированное выражение его дискурсивных полей, в котором можно условно выделить два уровня:

1) *фундаментальный макроуровень*, на котором идеология выступает как своего рода философская доктрина⁷⁷ и социально-политическая парадигма **;

2) *оперативный микроуровень* – уровень прикладных идейно-аксиологических концепций и проектов.

На первом уровне «логика превалирует над наблюдениями, рассуждения – над практикой, принципы – над прецедентами, цели – над средствами, и познание является по преимуществу непрямым»⁷⁸, акцентируется аксиолого-телеологическая составляющая идеологии, характерная для ее классических трактовок («великие

* Иногда говорят об идеологии науки как ее особой разновидности, выражающей интересы, ценности, взгляды представителей научного сообщества, иначе говоря, о мировоззрении интеллектуальной элиты как особой социальной группы.

77 «...это не плохая философия; это другой способ осмысления политики, который тоже необходим и в который все мы, в том числе и философы, вовлечены на более или менее высоком уровне сложности» (*Freeden M. Ideologies as Communal Resources // Journal of Political. Ideologies. 1999. Vol. 4. N 3*).

* Политическая идеология представляет собой совокупность идей, убеждений, мнений и ценностей, (1) формирующих схему, (2) поддерживаемую большинством, (3) претендующую на обеспечение и контроль планов государственной политики (4) с целью оправдания, оспаривания или изменения социальных и политических механизмов и процессов политического сообщества (подробнее см. *Freeden M. Ideology: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2003. P. 32*).

78 *Seliger M. Ideology and Politics. London : George Allen & Unwin, 1976 ; U.S. edition: New York : Free Press, 1976. P. 111. Цит. по: Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М. : Издательство «Прогресс-Традици», 2004.*

нарративы» традиционных идеологий, «политика движений», ведущая к «великой общей цели»⁷⁹). В этом контексте идеология представляет собой а) масштабное представление о природе политического и «хорошего» общества, б) совокупность нормативных идей, которые формируют идеал и призваны обеспечить массовую поддержку через агитацию в их пользу⁸⁰. Другими словами, идеология рассматривается в качестве целостной мировоззренческой модели общественного развития, аккумулирующей фундаментальные аксиологические ориентации (ценности и нормы) социума; особые формы политической коммуникации; систему символов и оценок действительности.

Но эволюция аксиологического пространства демонстрирует, что идеологии постепенно приобретают более частный, праксиологический характер, который соответствует оперативному, прикладному уровню, на котором «наблюдения стоят больше чистой логики, практика – больше рассуждений, прецеденты – больше принципов, средства важнее целей и познание является более прямым»⁸¹. В этом случае идеология представляет собой не просто идеалистическую догму или абстракцию, а выступает как особая форма рационализации и интерпретации действительности, связанная с определенной поведенческой и институциональной практикой⁸², и охватывает «практические проекты, которые дают начало политическим стратегиям и тактикам, моделям политической деятельности»⁸³. Функциональная значимость этого уровня заключается в том, что идеологемы трансформируются применительно к конкретному социально-политическому и аксиологическому контексту, си-

⁷⁹ Rorty R. Campaigns and Movements // Dissent. 1995. Vol. 42. P. 55–60.

⁸⁰ См. Шварцмантель Д. Идеология и политика. Х. : Издательство «Гуманитарный центр», 2009. С. 48–49.

⁸¹ Seliger M. Указ. соч. P. 111.

⁸² «Это системы идей, связанные с действием. Обычно они содержат программу и стратегию для их реализации вместе с главной функцией объединения организации, выстраивающихся вокруг них... Это совокупности идей, которые относятся к существующему политическому и общественному строю и нацелены на то, чтобы изменить либо защищать его...» (Политология : учебник / А. Ю. Мельвиль [и др.]. М., 2004. С. 671).

⁸³ Шварцмантель Д. Указ. соч. С. 48–49.

стематизируя так называемую «политику кампаний» или «политику проблем», направленную на решение конкретных проблем и задач, достижение краткосрочных, «частных» целей⁸⁴.

Резюмируя приведенные рассуждения, можно констатировать, что актуализация и популяризация категории «идеология» предполагает, с одной стороны, ее трактовку как целостной системы философско-политических представлений, особой формы рационализации действительности, детерминирующей фундамент аксиологического пространства – ценностные императивы (справедливость, равенство, гуманизм и т. п.), «общие» системообразующие цели (построение демократического общества, стабильной политической системы и т. п.), с другой стороны, идеология выступает в качестве аксиологического проекта, аккумулирующего такие структурные элементы, как организационные аспекты (нормативы) анализ и оценка результатов, прогнозирование.

2.2. Идеологическое пространство современности: реалии, особенности, перспективы

Систематизация и обобщение результатов исследований идеологических структур и процессов в мировом аксиологическом пространстве позволяют зафиксировать целый ряд его *вариаций*, которые должны быть учтены при теоретическом осмыслении и последующей институционализации идеологической концепции современной России, в том числе:

1) «*неолиберальная доктрина*» – как «универсальный стандарт» мышления на макроуровне, детерминирующая социально-политическую практику и материальные аспекты развития социума на оперативном микроуровне, представляет собой своеобразный «микс» аксиологических основ классического либерализма, социал-демократии и неоконсерватизма западного формата, условно располагающийся в центре «лево-правого» спектра, базисом которого являются идеи, постулирующие ведущую роль рынка как глобального института, человека как потребителя на рынке, оценку общественных институтов с точки зрения их продуктивно-

⁸⁴ Rorty R. Campaigns and Movements // Dissent. 1995. Vol. 42. P. 55–60.

сти, эффективности и количественно измеримых результатов; другими словами, *превращение в «товар» всех аспектов человеческой жизни*⁸⁵. Аксиологические аспекты жизнедеятельности (культура, религия, философия и т. п.) отходят на второй план, их «оценивают» требовательные «покупатели», которые имеют право выбирать между различными идентичностями⁸⁶;

2) *дериваты «неолиберального стандарта»*:

- «постидеологический мир» как продукт постмодернистской философии, предполагающий бесполезность идеологий вообще, отрицающий фундаментальную значимость аксиологическо-телеологических концепций развития социума*;
- «глобализм» как модификация неолиберального проекта, согласно которой мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность. Другими словами, это идеология господства мирового рынка⁸⁷, продолжение философии постмодернизма, обосновывающая примат экономического, материального пространства над аксиологическим, социально-культурным, духовным, выражающая интересы такого субъекта международной практики, как транснациональные корпорации и элиты, Ключевой аспект этой вариации – абсолютная деполитизация экономического пространства, подчинение власти рынка всех сфер жизнедеятельности.

⁸⁵ См. *Шварцмантель Д.* Идеология и политика. Х. : Издательство «Гуманитарный центр», 2009. С. 293.

⁸⁶ Там же.

Суждения об исчерпани идеологиями своих функций как мотивационной и мировоззренческой основы политики и об их исчезновении из политической сферы сформулированы в концепциях «деидеологизации» (мысль Д. Бэлла «об истощении политических идей») и «реидеологизации» (идеи Ф. Фукуямы о том, что «триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив», Дж. Роулза о консенсусе относительно либерально-демократических ценностей).

⁸⁷ См. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 23. Цит. по: *Межуев В. М.* Глобальное и локальное в современном мире // Глобализм и цивилизационная идентичность России : материалы научного семинара. М. : Научный эксперт, 2008. Вып. № 2 (11). С. 67–68.

Тем не менее реальная политическая практика проиллюстрировала несвоевременность и несостоятельность ключевого тезиса «неолиберального проекта» о постидеологичности, поскольку невозможно понять и структурировать политические, социальные, культурные процессы и образования, не понимая их идейного наполнения. Это позволяет постулировать, что идеосфера остается неотъемлемой компонентой не только социально-политической организации общества, но и его аксиологического пространства.

В связи с этим довольно интересной представляется вариация, которую можно выразить в виде формул «старые идеологии против новых» и «новые идеологии вместо старых», суть которых сводится к диалектическому противостоянию «старых» традиционных идеологий лево-правого спектра, которые предлагают мировоззренческие системы, универсальные модели развития социума (макрофундаментальный уровень «политики движений») и «новых» молекулярных «мини»-идеологий, которые фокусируются на решении частных, конкретных вопросов, имеют более «легковесный» характер и циркулируют на микрооперативном уровне «политики компаний».

Ко второй группе идеологических течений с определенными оговорками можно отнести следующие вариации:

- «идеология виртуального сообщества» – как проект, обеспечивающий интересы специфических «социальных» групп (нетократов и консьюмтариата)⁸⁸, которые представляют собой «сетевые» аналоги классовой дихотомии «буржуазия – рабочий класс»;
- «мозаика локальных идентичностей» – как результат «политики признания»⁸⁹ и реализации мультикультурального проекта, основной смысл которой можно выразить формулой «политика идентичности» vs «политика идеологии» или политика компаний, направленных на признание идентичности (и даже аутентичности) религии, культуры, традиций локального социально-культурного контекста (политика «равных

⁸⁸ См. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. 2004.

⁸⁹ См. Taylor Ch. The Politics of Recognition // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.

прав на признание» на микроидеологическом уровне) и политика глобальных идеологий консерватизма, либерализма, социализма, обосновывающих масштабные аксиологические модели, универсальные идеалы, не учитывающие особенности «частных» идентификационных матриц, что послужило одной из причин кризиса этих макроидеологических доктрин.

Каждая из названных вариаций в той или иной степени «обнажила» свою несостоятельность, открывая возможность для альтернативного варианта, активным субъектом формирования которого может стать современная Россия, учитывая потенциал страны как государства и цивилизации, в том числе накопленный научно-теоретический материал, исторически присущий приоритет идейно-нравственных аспектов организации социума, значительный опыт в реализации глобальных идеологических проектов *.

Несмотря на экзогенное влияние общемировых процессов, следует обратить особое внимание на внутреннюю специфику идеологической сферы России, в значительной степени обусловленную событиями постперестроечного периода, которые свидетельствуют о том, что результатом окончания биполярного противоборства двух идейно-мировоззренческих систем стала популяризация в среде отечественной интеллектуальной элиты (и, как следствие, на обыденном уровне массового сознания) взглядов позитивистской направленности, отрицавших любое аксиологически окрашенное исследование и предлагавших соответствующие программы практических действий.

Однако несостоятельность и нежизнеспособность «безыдейной» политики подтолкнула российских реформаторов к другой крайности – космополитизации прозападной направленности всех

* Три официальные идеологические версии («Москва – Третий Рим», «Православие. Самодержавие. Народность», марксизм-ленинизм), объединенные тем, что лежащая в их основе идея всегда оставалась *идеей власти, государственности*. Но при сохранении преемственности и взаимосвязи этих идеологических концепций существует и определенное отличие: если первая и третья имели универсалистский характер с мессианским «окрасом», то есть трактовали всемирную историю и лишь в ее контексте историю России, то вторая относится к так называемым партикуляристским идеологиям, трактующим историю одной конкретной страны (в данном случае России).

общественных структур через реализацию реформ пролиберального толка **. Но стремление к «светлому будущему» либерализма в рамках российского социально-политического пространства не получило необходимой поддержки по целому ряду объективных (несоответствие исторических, мировоззренческих, идентификационных структур аксиологического пространства) и субъективных («хирургические» способы и характер проводимых трансформаций) причин. В результате будущее российской версии «пролиберальной» системы оказалась под большим вопросом.

Реальная политическая практика постсоветской России подтвердила ошибочность тезиса о постидеологичности универсума. Это позволяет утверждать, что идеосфера остается существенной компонентой социально-политической и ментальной организации российского социума. Идеологическая неопределенность российского аксиологического пространства, скорее, объясняется переходом к этапу «новой идеологизации», ключевыми характеристиками которого являются *плюралистичность* и *полицентричность*. Кроме того, анализ российской идеосферы позволяет зафиксировать некоторые ее особенности:

- традиционные «глобальные» идеологии утратили свою релевантность в условиях современной усложнившейся и качественно изменившейся социально-политической практики⁹⁰;
- состояние идеологического дискурсивного поля России можно представить в виде совокупности «идеологических гибридов»⁹¹, находящихся в состоянии континуумного взаимодействия и взаимопроникновения.

Результаты научного дискурса последних лет позволяют зафиксировать среди российских исследователей популярность трехпо-

В ранний постперестроечный период предпринимались попытки придать тезису Ф. Фукуямы о том, что «триумф Запада, западной идеи очевиден, прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив», *аксиоматический* характер (подробнее см. Фукуяма Ф. Конец истории? URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>).

⁹⁰ См. *Giddens A.* Beyond Left and Right – the Future of Radical Politics. Cambridge : Polity Press, 1994.

⁹¹ См. *Фадеечева М. А.* Этнонационализм в политическом дискурсе постмодерна // Полис. 2006. № 4. С. 54.

люсной градации* идеологической сферы постсоветской России. Причем целью большинства разработок, проводимых в подобном ракурсе, является поиск и обоснование «четвертого полюса» в качестве альтернативы неолиберальному проекту⁹².

В настоящее время наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой новую идеологическую систему, которая отвечала бы одновременно и специфике России, и актуальным процессам мирового пространства, следует искать на стыке всех идеологических направлений как своеобразный результат их синтеза**.

Наиболее перспективный путь развития аксиологического пространства России предполагает, с одной стороны, отказ от автаркизма, табуирования «инородных» идей и тенденций, а с другой – попытку определить «собственный путь» воплощения общечеловеческих универсальных ценностей в качестве своего рода альтернативы неолиберализму.

В обобщенном виде идеологическую сферу современной России можно представить как совокупный результат *конвергенции*

Примеры «идеологических» полюсов: советизм, западнизм, феодализм («фундаментализм»); почвенники, западники, коммунисты; коммунистическое направление (фундаменталисты, социал-демократы), национал-патриотическое (производное кризиса национальной идентичности) и либерально-демократическое направления (радикальное, консервативное или государственноческое, социальное).

⁹² Смотри:

Бенуа А. де. Против либерализма. К четвертой политической теории. М. : Амфора, 2009;

Слонов Н. Четвертый полюс идеологического поля // Россия: новая стратегия развития : сборник докладов лауреатов и дипломантов II Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов «Идеи для России – 2005». М. : Фонд «Единство во имя России», 2006.

** В качестве слагаемых новой идеологической системы должны быть учтены:

- исторически традиционные для России идеологические формулы (православие, монархизм, евразийство, русский национализм и т. д.);
- социализм и коммунизм, объективно также ставшие традиционными для российской политической истории;
- альтернативные виды идеологических течений, которые, несмотря на их легковесность, специфичность и фрагментарность, позволят конкретизировать и актуализировать идеологический фон применительно к современным тенденциям развития общества.

ментальных структур экзогенного и эндогенного характера.

К числу первых относятся *пролиберальные «гибриды» социал-дарвинизма и социал-демократии 1990-х годов*. Временный успех либерализма на постперестроечном этапе объяснялся просто – тотальная дискредитация советской идейно-аксиологической системы требовала появления новой «идеологии антикоммунизма», но искусственное «внедрение» либерализма не имело успеха, поэтому на политической арене и, как следствие, в идеологической сфере радикал-либерализм постепенно уступил позиции социал-либерализму.

Вторая группа идеологических структур, которую условно можно обозначить как *традиционную* для российского общества и государства, аккумулирует, с одной стороны, *православно-монархические традиции досоветского образца*, с другой – *остатки идентификационных структур «homo soveticus»*.

С середины 1990-х годов в рамках не только научно-политического, но и общественного дискурса особую популярность приобретает идея православной монархии в качестве наиболее оптимального типа государственности для постсоветской России. Обращение к образцам досоветской ментальности, с одной стороны, объяснялось провалами радикальных либеральных реформ, что заставило обратиться к социокультурным, философско-мировоззренческим, политическим традициям российского государства в качестве альтернативы «западным стандартам» как антитеза либерализму в России – «силе, подавляющей и разрушающей общество», с другой стороны, возрождение этой концепции стало своего рода реакцией на предельный материализм советской системы, атеистическое марксистско-ленинское учение⁹³.

Кроме того, уже с конца 1990-х годов начинается постепенная реновация советской идентичности, идей социализма (в научном дискурсе – неомарксизма), образа «homo soveticus», черты которого вошли в постсоветское аксиологическое пространство, в том числе принципы справедливости, порядка, солидарности (независимо от конфессиональной или этнической принадлежности, куль-

⁹³ См. Мамут Л. С. Российский политический процесс. О концепции православно-монархического строя для постсоветской России. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/09/1214861029/Mamut.pdf>

тивируемой консервативным направлением).

Таким образом, можно зафиксировать, что содержательное наполнение новой идейно-аксиологической системы (доктрины и проекта ее реализации) должно базироваться на *конвергенции ценностных ориентиров трех направлений аксиологического пространства постсоветской России, а именно:*

1) *консервативное (традиционалистское):* традиция, накопленная мудрость прошлого, сохранение и приумножение цивилизационного опыта, общая история, культура, органицизм в государственном устройстве, приоритет целого над частью;

2) *социалистическое (неомарксистское):* общество, воззрение на человека как на общественное существо, солидарность, справедливость, особая роль социальной защищенности как условие общественной стабильности;

3) *неолиберальное:* абсолютная ценность человеческой личности, изначальное (врожденное) равенство всех людей, неотчуждаемые права человека, разум, вера в способности человека, вера в прогресс, меритократия, теория и практика правового государства, конституционализм.

Более того, представляется, что роль России в поиске и формировании новой идеологической системы координат на общемировом уровне может стать определяющей, что обусловлено целым рядом внутренних и внешних аспектов:

- собственные ресурсы, потенциалом страны как государства и цивилизации;
- опыт страны в реализации глобальных идеологических проектов;
- накопленный теоретический материал;
- исторический приоритет духовно-нравственных аспектов организации социума;
- многополюсный и одновременно гибкий характер российской идеосферы;
- результаты общечеловеческого развития – специфика глобальных процессов во всех сферах;
- негативные результаты неолиберальной системы западного формата.

И, наконец, формирование качественно новой идеологии, свое-

го рода ядра аксиологического пространства, как результирующей плюралистического континуумного взаимодействия и взаимопроникновения всего множества идейно-политических течений современности в совокупности с трансформацией ценностных структур в сторону укрепления гражданской, мировоззренческой, духовной составляющей позволит России встать на путь стабильного, поступательного развития в долгосрочной перспективе.

3. РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

3.1. Идентификационные структуры и процессы в современной России

В современном контексте тематика формирования, эволюции, кризиса идентичности на всех уровнях аксиологического пространства приобрела новые оттенки и заняла одно из центральных мест не только в рамках отечественного, но и международного научно-исследовательского дискурса. Сегодня в России исследовательский интерес к этой проблеме обусловлен объективными закономерностями: сложность и интенсификация глобальных процессов, в том числе миграционных потоков, а также космополитизация и деперсонификация практически всех сфер жизнедеятельности. Эти процессы усугубились тем, что в результате социально-политических, культурных, экономических трансформаций советского пространства на рубеже 1980–1990-х годов идентификационные образования как массового, так и элитарного сознания подверглись радикальным изменениям в результате частичной, а в ряде случаев абсолютной, дезориентации.

В результате постсоветская Россия столкнулась с необходимостью поиска новой эффективной и актуальной аксиологической, идейно-мировоззренческой системы координат реализации коренных качественных изменений практических всех структурных элементов российского социума. Это представляется возможным только в том случае, если в общественном сознании будут выявлены те его структуры, которые позволят ответить на вопросы онтологического характера: «Кто мы?», «Куда идем?», «Что представляет собой Россия сегодня?», «Каков потенциал ее развития? На что он должен быть направлен?», «Какова высшая цель российского общества и государства? Каким представляется ее реальное воплощение?» и т. п. То есть выбор адекватной современности траектории развития требует комплексного анализа аксиологического пространства постсоветской России с целью детерминации идентификационных процессов и структур, которые в перспективе могут

лечь в основу идентичности * на массовом макрогосударственном уровне.

Для детального исследования идентичности «постсоветского человека», учитывая ее многоаспектный, сложносоставной характер, целесообразно, во-первых, последовательно проследить характер и особенности идентификационных структур на микроличностном (индивидуальном), мезосоциальном (групповом) и макрополитическом (массовом) уровнях на различных этапах постсоветского периода, во-вторых, определить доминанту в «иерархии идентичностей»⁹⁴, формирующие ее инструменты и факторы, и наконец, в-третьих, определить характер взаимодействия идентификационных образований на этапе становления и оформления российской макроидентичности, учитывая взаимообусловленность концептов идентичности, идеологии, общенациональной идеи.

Прежде чем приступить к анализу идентификационных образований постсоветского аксиологического пространства, следует обратиться к историческому опыту Советской России, который свидетельствует об очевидной первичности макроидентичности, определявшей содержание идентификационных структур и процессов на микро- и мезоуровнях, образуя макро-ментальный конструкт «советский народ». Следовательно, индивидуальный и групповой слои аксиологического пространства имели вторичный характер по отношению к макроидентичности, которая детерминировала весь диапазон когнитивных матриц, эмоциональных характеристик и поведенческих моделей «homo soveticus».

Подобная конфигурация «иерархии идентичностей» во многом

* Отталкиваясь от тезиса о том, что политическая идентичность формируется на макроуровне и утверждается в общественном сознании как массовая идентичность, доминирующая над всеми иными разновидностями групповых и индивидуальных идентификационных образований, выбранный ракурс на уровне целостного территориально-политического и социально-культурного образования позволяет отождествить понятия политической, массовой, национальной, культурной идентичности в форме макроидентичности государства как политического образования и нации как социально-культурной общности.

⁹⁴ Подробнее см. *Коровникова Н. А. Политическая идентичность России: реалии, особенности, перспективы (опыт постсоветского периода) // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2012. № 4. С. 36–40.*

поддерживалась советской вариацией коммунистической идеологии, которая базировалась на прочном фундаменте институциональных основ (на Конституциях СССР, принятых в 1936 и 1977 годах⁹⁵) и научных разработок (научная школа марксизма-ленинизма^{*}). Все это достаточно длительное время обеспечивало по крайней мере эксплицитный аксиологический консенсус советского социума, окончательно подорванный латентными процессами и центробежными тенденциями периода «холодной войны», логическим результатом которой для России стало тотальное уничтожение идентификационных матриц советского образца через дискредитацию среды их формирования и функционирования (советской идеологии) посредством популяризации и даже институционализации деидеологизированной формы социума⁹⁶.

⁹⁵ «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян» (ст. 1 Конституции СССР от 1936 года); «В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (ст. 126 Конституции СССР от 1936 года); «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу» (ст. 6 Конституции СССР от 1977 года).

^{*} В рамках советского научного дискурса была теоретически обоснована целостная научная система, опосредовавшая все сферы жизнедеятельности социума:

- марксизм-ленинизм как философская доктрина;
- политэкономия как экономическое обоснование;
- научный коммунизм как социально-политическая стратегия.

⁹⁶ Части 1 и 2 статьи 13 Конституции Российской Федерации от 1993 года («1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»), скорее, не содержат запрет на идеологию

Все это привело к гетерогенности, эклектичности и симулятивности всех уровней общественного сознания, а также к высокой степени полярности индивидуальных и групповых идентификационных образований – от идеологического нигилизма до радикальных проявлений национализма и терроризма.

Детализация постсоветского периода позволяет усмотреть следующие четыре этапа формирования идентификационных образований постсоветского образца: *кризис*, *«ревитализация»*, *конструирование* и *становление* *.

вообще, как мировоззренческую, мотивационную основу социально-политических процессов, а табуируют возможность формального единоначала какой-либо модернистской идеологии.

* Фиксация временных координат предложенных этапов имеет условный характер и применяется для схематичной иллюстрации крайне широкого спектра идентификационных структур и процессов современной России. Для отечественного научного дискурса характерна флексибельность в суждениях относительно внутренней этапизации постсоветского периода, что обычно определяется конкретным ракурсом исследования. Например, *С.Ю. Пантелеев* в рамках первых двух предложенных этапов выделяет четыре этапа (1992–1993 годы, 1994–1995 годы, 1996 – август 1998 года, сентябрь 1998 – 1999 год), отражающие позиции властей относительно поиска идеологической базы (см. *Пантелеев С. Ю.* К вопросу о государственной идеологии в посткоммунистической России. URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/lomweb01/pantele.htm>).

А.Л. Темницкий, отталкиваясь от состояния и поведения больших социальных групп, являющихся активными либо пассивными субъектами трансформационных процессов, выделяет:

1) 1990–1993 годы – время кризиса труда и надежд на рыночные факторы;

2) 1994–1999 годы – время первых разочарований и попыток приспособиться к рыночным реформам;

3) 2000–2005 годы – время устоявшейся адаптации к изменившимся условиям труда и жизни (см. *Темницкий А. Л.* Социологические подходы к периодизации истории постсоветской России // Социологические образы России: Трансформирующееся общество в историко-социологической перспективе. СПб. : Социополис, 2006. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/533/5339c5cc107edb89fc01a7f5ddc6ceba.pdf>).

И.Г. Яковенко считает, что каждая стадия исторического развития характеризуется особыми формами базовых идентичностей:

1) начало 1990-х годов российское общество переживало стресс краха советской идентичности;

2) со второй половины 1990-х годов намечились положительные измене

Кризисный этап, который охватывает ранний постперестроечный период (примерно до 1994 года), представляется наиболее драматичным не только для материального, но и аксиологического пространства. Его ключевыми характеристиками стали:

- радикальное разрушение советской массовой идентичности;
- дезинтеграционный характер идентификационных процессов на всех уровнях;
- формирование негативных, даже девиантных, форм идентичности через деидеологизацию в качестве альтернативы коммунистической идеологии;
- атомизация сознания, формирование новых псевдоконструктов.

Основным инструментом для этого послужила резкая критика советского периода и всего, что с ним было связано, – режим, идеология, события. Особым нападкам подверглись Октябрьская революция как отправная точка режима, марксизм вообще и коммунистическая идеология в частности, Сталин, образ которого приобрел «демоническую» окраску, что едва не привело к его мистификации, период «застоя», который казался естественным следствием стагнации советской системы и т. п.

Уничтожение «советских» форм идентичности, разрушение идеологических основ советской государственности вызвали распространение национального и культурного нигилизма, привели к формированию «негативной» идентичности на всех уровнях общественного сознания.

Это послужило импульсом для осознания несостоятельности и неэффективности необдуманной «либерализации» аксиологического пространства и возвращения не только в научный, но и в общественно-политический дискурс проблематики мировоззренческой идентичности россиян, что положило начало *этапу «ревитали-*

ния в отношении к советскому периоду;

3) с 2000 года – время возрождения советской символики и постепенного обретения идентичности «общества, открытого миру» с сохранением значимых культурных традиций (см. *Яковенко И. Г.* Трансформация базовых идентичностей: факторы, тренды, сценарии. Современные трансформации российской культуры / отв. ред. И. В. Кондаков. М. : Наука, 2005. С. 119–134).

зации» (1994–1999 годы), хрестоматийным выражением которого стал призыв Б.Н. Ельцина найти и сформулировать национальную идею страны в качестве ключевого индикатора идентификационных структур и идеологических установок в массовом сознании⁹⁷. Несмотря на превалирование групповой и личностной идентичности либерального толка, именно на этом этапе иницируется восстановление макроидентификационных структур досоветского образца, включая их конфессиональную составляющую (особая Русская православная церковь), постепенно закладывается фундамент своеобразного синтеза идентификационных структур Российской империи и либерального Запада.

С завершением «ельцинского» этапа и избранием на пост Президента Российской Федерации В.В. Путина (начало 2000-х годов) начинается третий этап *конструирования* макроидентичности, на котором произошло то, что можно назвать «*ренессансом советской идентичности*» – в число центральных событий, детерминирующих идентификационные макроструктуры в сознание россиян, вошли такие события Советской России, как победа в Великой Отечественной войне, первые послевоенные годы, первый полет в космос и т. п.

Хотя для третьего этапа характерным остается эклектический характер идентификационных образований, имеет место своего рода «несобранная иерархия идентичностей», тем не менее в аксиологическом пространстве уже можно зафиксировать своего рода *синтез* структур *досоветской* (консервативной), *советской* (социалистической) и *западной* (либеральной) идентичностей, который может стать определяющим для духовно-нравственной, социальной и экономической сфер соответственно, а также послужить импульсом для четвертого этапа последовательного *становления* российской макроидентичности в качестве ключевого индикатора состояния массового сознания.

Даже краткий обзор идентификационных процессов и структур постсоветской России позволяет констатировать их *транзитный*⁹⁸

⁹⁷ См. Россия в поисках идеи (анализ прессы) / отв. ред. Г. А. Сатаров. М. : Издательство Управления делами Президента Российской Федерации, 1997.

⁹⁸ См. Тимофеев И. Н. Российская политическая идентичность сквозь

характер, поэтому возникает вопрос, что же послужило ключевым фактором (инструментом), определившим их особенности и направленность.

Специфика идентификационных образований в теоретизированном виде может быть представлена как «триединая» система:

- 1) наше общее прошлое, исторический опыт, его интерпретация;
- 2) воображаемое коллективное «мы», принципы, нормы, ценности, ориентиры;
- 3) «мы» и «другие» нации, государства⁹⁹.

В этом случае очевидным ответом на поставленный вопрос будет «коллективная память», аккумулирующая наиболее устойчивые ментальные образования аксиологического пространства, что позволяет рассматривать этот конструкт в качестве сильнейшего фактора самоидентификации и последующего формирования идейно-ценностных ориентиров.

«Коллективная память» как своего рода социальный инструмент активно применялась на протяжении всего постсоветского периода, но использовался разный ракурс интерпретации и последующей реинтерпретации исторического прошлого. В числе наиболее значимых результатов обращения к «коллективной памяти» следует отметить конвергенцию модификаций идентификационных структур Российской империи и советского периода на этапе конструирования российской макроидентичности (в том числе на уровне государственной символики). В то же время «переписывание» истории привело к отрицательным результатам на этапах кризиса и ревитализации, когда искусственный характер ментальных конструктов западного формата стал причиной ломки, деформации и искажения идентификационных структур.

Итоги постсоветских «экспериментов» наглядно демонстрируют, что оперирование только «коллективной памятью» недостаточно для перехода на этап последовательного становления макроидентичности, ввиду того, что характер идентификационных

призму интерпретации истории. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/files/12/07_timofeev.pdf

⁹⁹ См. *Комаровский В. С.* Политическая идентификация России: состояние, проблемы, перспективы // Материалы методологического семинара (10 ноября 2009 года, Москва). М. : РАГС, 2010. С. 5–12.

структур и процессов обусловлен определенной совокупностью факторов:

- *социально-экономических* – несбалансированность экономических процессов и структур, недостатки социальной политики, низкие экономические показатели, дифференциация российского социума, атомизация сознания;
- *культурологических* – полиэтничность, поликонфессиональность, поликультурность и т. п.;
- *социально-демографических* – «разрыв связи времен»: деформации синхронного и диахронного срезов бытия;
- *глобальных* – универсализация и космополитизация идентификационных структур, транспарентность границ аксиологического пространства;
- *информационных* – искусственный характер формирования средств массовой информации и массовой коммуникации, высокая степень «внешнего» информационного влияния и т. п.;
- *геополитических* – восстановление внешнеполитической субъектности России, проблема сочетания собственной цивилизационной самобытности с объективными трендами мирового развития;
- *символических* * – инструментально-политическое, эстетическое, идейно-ценностное ¹⁰⁰измерение макроидентичности;
- и, наконец, *идеологических*, которые требуют более детального рассмотрения ввиду тесной взаимосвязи идеологии и идентичности, поскольку *идентичность может рассматриваться как индикатор жизнеспособности и эффективности идеологии, а идеология – как среда формирования идентичности.*

* Государственная символика современной России представляет собой своего рода «римейк» символики Российской империи (флаг, герб) и СССР (музыка гимна, красное знамя Вооруженных Сил России, использование праздничных дат и т. п.), что наглядно демонстрирует синтез досоветской и советской составляющих идентичности.

¹⁰⁰ См. Поцелуев С. П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России. М. : Московский общественный научный фонд, 2001. С. 149–150.

Механизм взаимодействия идеологического и идентификационного дискурсивных полей в схематичном виде можно представить в виде трех основных вариантов:

- 1) *полное совпадение*;
- 2) *абсолютное несовпадение*;
- 3) *конструктивное взаимодействие* (необходимая характеристика четвертого этапа становления российской макроидентичности).

Первый вариант предполагает соответствие и взаимодополнение в аксиологическом пространстве идентификационных структур общественного сознания и идеологической доктрины. Хрестоматийным примером этого варианта может служить сочетание (по крайней мере номинальное) советской идентичности и советского варианта коммунистической идеологии, особенно в послевоенные годы, в поздний сталинский период.

Примером второго варианта может быть постперестроечный период начала 1990-х годов, когда на остатки идентификационных структур советского образца реформаторы попытались «насадить» пролиберальные идеологические конструкты. Результатом этого, с одной стороны, стала нежизнеспособность последних, а с другой – частичная деформация идентификационных элементов в сторону западного формата.

Третья вариация предполагает возможность сосуществования плюралистических, альтернативных представлений на основе согласия по ключевым вопросам (сегодня номинально прослеживаемая как в мировом, так и российском аксиологических пространствах). Действительно, синтез советских, досоветских, либерально-демократических структур в качестве базовых основ российской идентичности накладывается на трехполюсную характер идеологической сферы России – синтез модификаций социализма (коммунизма), консерватизма (фундаментализма) и либерализма*.

* В качестве наиболее интересных примеров интерпретации трехполюсной системы можно привести следующие:

- 1) суть постсоветской социальной организации составляют три генеральные идейно-политические линии – советизм, западнизм, феодализм («фундаментализм») (см. *Зиновьев А.* Наше государство – «Рога-тый заяц» // *Московская правда.* 2002. № 174. С. 3–4. URL: <http://zinoviev>.

Макроидентичность россиян, во-первых, должна представлять собой интегральную, доминантную характеристику духовно-нравственных, социальных, политических, культурологических аспектов общественного сознания, во-вторых, конкретизироваться идеологией применительно к конкретному социально-политическому климату, обеспечивая соответствующий уровень адекватности аксиологического пространства современному контексту.

3.2. Аксиологическое пространство * «постсоветского человека»

Глобальные макросоциетальные изменения мирового устройства конца XX века, затронувшие в первую очередь экс-социалистические страны, территории бывшего СССР, стали причиной существенных трансформаций как «материального» (политико-правового, социально-экономического, географического), так и аксиологического (мировоззренческие координаты общественного сознания) пространств жизнедеятельности социума. Для России совокупность этих глобальных геополитических сдвигов послужила импульсом к формированию качественно *новой формы ментальности «постсоветского человека»*, анализ ключевых харак-

info/wps/archives/52);

2) отмечая неоднородность идеологических полюсов, Н. Слонов обозначает три точки, которые, в свою очередь, распадаются на три соответствующие идейно-мировоззренческие направления: почвенники, западники, коммунисты;

3) в качестве генеральных также выделяют три направления: коммунистическое (фундаменталисты, социал-демократы), национал-патриотическое (производное кризиса национальной идентичности), либерально-демократическое (радикальное, консервативное или государственническое, социальное). (подробнее см. *Коровникова Н. А. Идеальное измерение российской политики в контексте современности // Вестник саратовского социально-экономического университета. 2011. № 3 (37). С. 182–185.*)

* В этом ракурсе термин «аксиологическое пространство» используется в расширительном контексте как ценностное (эмоционально-психологическое), оценочное (рационально-психологическое), символически-смысловое измерение ментальной сферы.

теристик * которой позволяет осознать и оценить потенциал России как государства и цивилизации в современном мировом контексте.

Аксиологическое пространство как ценностно-смысловое образование охватывает все уровни человеческой психики и следующие субпространства: *мировоззренческое, информационно-психологическое, идеологическое*. Его конфигурации применительно к современному российскому контексту позволяют выявить *три концепта*, детерминирующих его содержание, а именно:

- *менталитет (мировоззренческий аспект)* как совокупность определенных способов мировосприятия, оформившихся на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды в результате собственного духовного творчества субъекта¹⁰¹;
- *идентичность (информационно-психологический аспект)* как свойство, чувство, форма отождествления личности с определенным социально-культурным, территориально-политическим образованием;
- *социально-политическая, аксиологическая парадигма (идеологический аспект)* как концентрированное и институционализированное выражение конгруэнтности дискурсивных полей аксиологического пространства на конкретном этапе исторического развития страны, базис модели будущего устройства общества и государства.

Очевидно, что эффективность, витальность и адаптивность любой модели общественного развития, в свою очередь, определяется спецификой аксиологического пространства социума, представляющего трехмерную систему ценностных, символически-смысловых координат его функционирования на всех уровнях: *идентификация («кто мы?»)*, *ориентация («куда идем?»)*, *адаптация («к чему приспособимся?»)*, которые и формируют ментальность «постсоветского человека».

* К числу таких характеристик автор настоящего исследования относит генезис, эволюцию, признаки, систему координат функционирования и потенциал «постсоветского человека» как особого ментального типа.

¹⁰¹ См. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Глобалистский менталитет как условие предотвращения межцивилизационных конфликтов // СОЦИС. 2001. № 4. С. 52.

Отталкиваясь от тезиса о том, что ментальность, с одной стороны, подвержена свободным эволюционным процессам, а с другой стороны, это понятие конструируемое, появление на рубеже 1980–1990-х годов феномена человека «постсоветского» не просто как теоретической абстрактной модели «*homo sapiens*», а как социально-культурного явления, особой ментальности, стало логичным результатом уже рассмотренных нами идеологических процессов *конвергенции ментальных структур экзогенного и эндогенного характера*.

К числу «внешних» идейно-аксиологических элементов были отнесены пролиберальные «гибриды» социал-дарвинизма и социал-демократии 1990-х годов как результаты сменяющих друг друга постперестроечных процессов деидеологизации, «вестренизации», космополитизации и, наконец, радикальной и «социальной» либерализации.

В группу «внутренних» традиционных элементов в результате «реставрации» аксиологических ориентиров Российской империи и СССР были включены, во-первых, православно-монархические ценности досоветского формата, во-вторых – идентификационные структуры «*homo soveticus*».

Совокупным результатом взаимопроникновения пролиберальных, православно-консервативных, социалистических идейно-ценностных структур стал *постсоветский человек как особый ментальный тип – рационально-оценочный (западный формат), с одной стороны, эмоционально-компульсивный («консерватор советского образца»)*, с другой. Такая контрастность * была обусловлена спецификой постсоветского аксиологического пространства, а именно ее мозаичностью и многослойностью, взаимодействием инвариантности и изменчивости (турбулентности) развития.

Кроме того, трехполюсная градация идеологической сферы России способствовала формированию «тройственного» характера ментальности «постсоветского человека». Причем постсоветская

* Ментальность «постсоветского человека», по сути, представляет собой *совокупность диаметрально противоположных качеств* – с одной стороны, низкая самодисциплина, разобщенность, правовой нигилизм, патернализм, максимализм, низкопоклонство, нетерпимость, а с другой – терпеливость, справедливость, адаптивность, изобретательность, восприимчивость к новому, бескорытность, чувство долга.

аксиологическая система впитала как специфические черты российской государственности, формировавшиеся на различных исторических этапах, так и результаты мировых процессов, превратившись в своеобразный результат их идейно-ценностного синтеза.

Современное состояние аксиологического пространства России обусловлено *растущими разрывами ментальных матриц*, в числе которых остаются поколенческие, социально-экономические, образовательные, географические различия*, тесно связанные с социально-политической позицией индивидов и групп по отношению к государственным, властным институтам.

В выбранном контексте актуально высказывание П.Б. Струве: «В России есть две болезни. С одной стороны – это антиобщественность государства. Но с другой – это антигосударственность общества»¹⁰², в которых проявляется исторически присущая России особенность – поляризация аксиологических систем – «государства» с его гипертрофированной идеей патернализма, государственности вплоть до крайних форм этатизма, и «общества» с идеями эгалитарной «уровниловки», крайних форм свободы вплоть до пренебрежения общими целями и интересами. Учитывая, что государство является важнейшим институтом, обуславливающим состояние и особенности аксиологического пространства, стабилизация последнего требует преодоления противостояния «общество – государство», что, в свою очередь, невозможно без поиска новой эффективной идеологической доктрины, отвечающей условиям современного контекста, которая позволила бы обеспечить эффективное развитие социума на базе идейно-аксиологического единства. Очевидно, что жизнеспособность этой доктрины в значительной степени должна определяться ее соответствием специфике и традициям российской государственности, учитывая следующее:

* По сути, речь идет о рассмотренной в разделе 3.1 «сетке» ограничений, обуславливающих специфику идентификационных структур постсоветского образца, составляющих основные элементы аксиологического пространства, в том числе экономические, этнокультурные, социально-демографические, информационные, геополитические, символические, идеологические.

¹⁰² Цит. по: Собчак А. А. Из Ленинграда в Петербург: Путешествие во времени и пространстве. СПб. : Контрфорс, 1999. URL: <http://sobchak.org/rus/books/izlen/2.html>

-
-
- с теоретических позиций государство вообще как важнейшая политическая категория, ядро политической системы обуславливает состояние общественного сознания, то есть аксиологического пространства социума;
 - место и роль государства в идеологической сфере определяются в зависимости от интерпретации последней – от полного отрицания его идеологической функциональной нагрузки до тотального контроля над аксиологическим пространством, причем такие крайне полярные позиции чреватые социально-психологическим, мировоззренческим коллапсом;
 - государство должно стать активным субъектом аксиологического пространства, как показывает недавний исторический опыт России 1980–1990-х годов; отказ государства от идеологической функции может привести к ментальной аморфности, дезориентации и даже маргинализации общественного сознания;
 - модель российского государства как политического и социального института должна основываться на объективных характеристиках аксиологического пространства страны последних лет, которые, как показано ранее, позволяют зафиксировать трехполюсный синтез неолиберальных, православно-консервативных, социалистических элементов.

Таким образом, содержательная наполненность конфигураций трехмерной системы координат аксиологического пространства может стать основой аутентичной модели развития российского социума *на базе разумного баланса («позитивного синтеза»)* трех групп идейно-аксиологических принципов:

1) *пролиберальной* – абсолютная ценность человеческой личности, равенство, права человека, торжество разума, безоговорочная вера в способности человека и прогресс, меритократия, технократия, правовое государство;

2) *консервативной* – традиция, историцизм, сохранение и актуализация цивилизационного опыта, общая история, культура, органицизм в государственном устройстве, приоритет целого над частью;

3) *социалистической* – человек – общественное существо, социум, солидарность, социальная справедливость и безопасность, общественная стабильность.

4. ПАТРИОТИЗМ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

4.1. Значение патриотизма в контексте современности

Как уже отмечалось, в постперестроечный период Россия подверглась коренным качественным трансформациям «прозападного» толка, другими словами, «вестернизации» (или в более мягкой форме «европеизации»), которые игнорировали специфику страны, разрушая традиционные для ее политической культуры и сознания аксиологические ориентиры, в том числе *патриотизм* как объективный индикатор развития общества и государства на макроуровне и субъективное переживание этого на личностном уровне каждого россиянина.

«Универсализация» аксиологического пространства России в соответствии с моделью либерально-западного формата с целью его радикальной, тотальной переориентации привела к неоднозначному результату – гетерогенности и симулятивности не только массового, но и элитарного сознания; высокой степени полярности ценностных структур – от идеологического нигилизма до радикального национализма, сепаратизма, даже крайних форм терроризма.

В результате процессов «деидеологизации» и «космополитизации» Россия столкнулась с новыми угрозами идейно-ценностного характера – на фоне «ослабленного духовного иммунитета» на первый план вышла проблема обеспечения безопасности аксиологического пространства российского социума, которая в первую очередь заключается в сохранении ценностного фундамента российской государственности и является одним из важнейших условий обеспечения национальной безопасности во всех сферах. Причем решение этой задачи возможно только при условии единства российских граждан на основе высших идей и ценностей. Особое место в их числе занимает патриотизм, который, по мнению Президента Российской Федерации В.В. Путина, высказанному на встрече Клуба лидеров (объединения средних и мелких предпринимате-

лей) в начале февраля 2016 года, и является национальной идеей современной России ¹⁰³.

Новые российские реалии стимулируют возрождение патриотической идеи в качестве «духовной скрепы» общества, важнейшей составляющей общенациональной стратегии развития, фундаментальной основы аксиологического пространства. Сегодня представляется крайне необходимым четко определить принципы, отвечающие не только объективным мировым процессам, но культурно-аксиологической специфике российского социума, учитывая патриотическую составляющую в качестве неотъемлемого условия формирования новой «альтернативной» модели развития России как государства и цивилизации.

Патриотизм – это многогранное, сложносоставное понятие *. С одной стороны, это объективный критерий, определяющий общественное сознание, а с другой – внутриличностное чувство, эмоциональное переживание **. На макрогосударственном уровне

¹⁰³Путин В. В. У нас нет никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма // Наша молодежь. 2016. № 4. С. 3.

В общественно-политической среде отмечается множество различных по форме (но сходных по содержанию) определений *патриотизма*, в частности:

- чувство любви и гордости за свое Отечество;
- общественный, нравственный и политический принцип, определяющий отношение человека к Родине;
- совокупность эмоций, представлений, идей и действий, направленных на прогрессивное развитие своей страны;
- отношение определенного субъекта к Отечеству;
- идеология и психология преданности Отечеству;
- готовность защищать Родину даже ценой собственной жизни;
- духовная ценность как одна из основных ценностей общегосударственного уровня;
- критерий и результат политической самоидентификации, морально-нравственные установки, мировоззрение;
- вектор практического поведения личности.

В исследовательской среде имеют место такие «разновидности» *патриотизма*, как государственный, российский, общенародный, национальный, гражданский, локальный, местный или региональный и т. д., которые взаимосвязаны между собой и формируют целостное ментальное пространство, так как «государство представляется гарантом безопасности личности, коллектива и общества; общество выступает гарантом державности государства, стабильности коллектива, воспроизводства

патриотизм служит фундаментом национального идеала, истории, культуры, идентичности и даже аутентичности народа. На микроиндивидуальном уровне патриотизм *интериоризируется* как любовь и преданность Отечеству, гордость за свою страну, ее прошлое и настоящее, стремление служить ей, готовность защищать в будущем.

Патриотизм как важнейший элемент аксиологического пространства, который представляет собой чувство, элемент сознания, отношение (ориентир), действие, охватывает как минимум *пять его областей (аспектов)* ¹⁰⁴:

1) *психологическая* – эмоции, чувства (любовь, гордость, преданность и т. п.), позиции (самоотверженность, сопереживание и т. п.), направленность, характер, ориентация на патриотическое поведение, отношения и деятельность;

2) *гносеологическая* – идентификация, интериоризация ценностей, ориентация, познание идеалов, обретение смыслов;

3) *социально-культурная* – осознание и реализация государственных интересов на микроличностном и мезогрупповом уровнях, патриотическая мотивация всех видов деятельности, встраивание в социокультурные процессы общества и государства через самореализацию, самосовершенствование;

4) *духовно-нравственная* – смысл жизни, высшая цель, воля, селективность поступков, традиции, историческая память;

5) *аксиологическая* – идеалы, система ценностей, стереотипы, убеждения.

Во всех областях аксиологического пространства патриотизм имеет полифункциональный характер интеграции, мобилизации, ориентации, целеполагания и мотивации, формируя фундамент национальной безопасности России, сознательно и добровольно при-

личности; коллектив выступает гарантом интересов государства, справедливости в общественных отношениях, востребованности личности, личность есть агент синтеза интересов государства, общества, коллектива и собственных» (подробнее см. *Вырщикова А. Н., Кусмарцев М. Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе : монография. Волгоград : НП ИПД «Авторское перо», 2006. С. 82).*

¹⁰⁴См. *Коровникова Н. А. Патриотизм как основа ментальной безопасности России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. 2013. № 1. С. 34.*

нимаемую позицию граждан, «в которой приоритет общественного, государственного выступает не ограничением, а стимулом индивидуальной свободы и условием всестороннего развития гражданского общества»¹⁰⁵.

По своей природе и значению патриотизм является важнейшим структурным элементом общественного сознания, выражающим личное сокровенное отношение к своему Отечеству, в переломные моменты превращаясь в мощнейший стимул его защиты, хотя широкий диапазон подходов к его определению позволяет использовать патриотические чувства в манипулятивных целях, нивелируя, таким образом, его *основное значение как духовно-нравственного принципа, личного, где-то иррационального чувства (переживания) любви к Родине, ее истории, культуре, обуславливающего характер идентификационных процессов и идеологических структур на всех уровнях аксиологического пространства социума*¹⁰⁶.

С учетом особенностей современного социально-экономического и политического контекста становится очевидным, что в современной России патриотизм по своему содержанию и форме представляет собой качественно новое явление, состоящее из двух элементов¹⁰⁷:

105 См. *Коровникова Н. А.* Патриотизм как основа ментальной безопасности России // Противдействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. № 1. 2013. С. 33.

106 См. Патриотическое и военно-патриотическое воспитание как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : учебно-методическое пособие / под общ. ред. В. И. Лутовинова. М. : Издательство «Экон-Информ», 2017. С. 11.

107 * В международном контексте XXI века особую популярность и актуальность приобретает *идея Большой Евразии*, которая представляет собой не просто абстрактную геополитическую схему, а «цивилизационный проект, устремлённый в будущее», который может стать концептуальной *основой нового геоидеологического мышления* и альтернативного мирового порядка, поэтому должен:

- формироваться на основе фундаментальных ценностей международного права и международных коммуникаций;

1) рост самосознания каждого народа на территории России, отражающий как зрелость его социально-экономических и духовно-культурных основ, так и противоречия самоопределения в открывающихся перспективах развития в результате переосмысления своего исторического прошлого;

2) осознание народами России общности не только единой исторической судьбы, но и общего будущего как цивилизации особого типа со своими законами и менталитетом^{108*}.

Другими словами, в современных условиях патриотизм понимается одновременно как устойчивое духовное явление и способ психологического существования человека (психологический феномен), философский, нравственный и политический принцип, социальное чувство, социологическая характеристика, важнейший элемент аксиологического пространства. В связи с этим трактовка

-
- отрицать любые формы универсализма или ценностного превосходства;
 - поддерживать многообразие культур и исторические связи между ними;
 - укреплять нравственные устои общества и семьи, повышать роль мировых и традиционных религий;
 - способствовать *возвышению сферы духовного воспроизводства* на базе партнерства и взаимообогащения цивилизаций.

Подробнее см. *Коровникова Н. А.* Большая Евразия: аксиологические основания (тезисы) // IV Международная научно-практическая конференция «Аналитика развития, безопасности и сотрудничества: Большая Евразия – 2030» (Москва, 29 ноября 2017 года, Общественная палата Российской Федерации).

108 См. Патриотическое и военно-патриотическое воспитание как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : учебно-методическое пособие / под общ. ред. В. И. Лутовинова. М. : Издательство «Экон-Информ», 2017. С. 16.

понятия «патриотизм» должна соответствовать следующим принципам:

1) *идейно-ценностным*:

- его приоритетная ценность и особая социально-культурная значимость в общественном сознании (на макрогосударственном уровне), определяющая чувства, действия и поведение индивида (на микроиндивидуальном уровне);
- уникальность российского патриотизма;
- державность (единая и неделимая Россия);
- преданность и служение Родине;
- историческая преемственность и гордость за отечественную историю;

2) *общественно-государственным*:

- единство и соответствие личных, групповых, общественных и государственных интересов;
- самодостаточность;
- сохранение и воспроизводство традиций;
- исполнение гражданского и патриотического долга;
- деятельность каждого гражданина на благо Родины;

3) *социально-педагогическим*:

- повышение социально-культурного, политического статуса и эффективности патриотического воспитания;
- единство патриотического контекста;
- смысловое творчество и сакральность в развитии и укреплении аксиологического пространства России.

И, наконец, (понятие «патриотизм» в контексте современной России должно соответствовать обновленной *системе ценностей патриотического воспитания*, которая, следуя логике приведенных размышлений, условно также может быть разделена на главные сферы:

- *духовно-патриотическую* (признание и сохранение великого духовного наследия России, русского языка, религии и культуры как высших святынь, национальное самосознание, гордость и достоинство, духовная зрелость);
- *нравственно-патриотическую* (любовь к Отечеству, своему народу, следование собственной совести, религиозным убеждениям и моральным принципам, добросовестность,

честность, коллективизм, уважение к старшим, любовь к семье и близким, этикет);

- *историко-патриотическую* (верность героическому прошлому и лучшим традициям истории Отечества, следование исторической правде и нетерпимость к фальсификации истории, сохранение исторической памяти и преемственности поколений);
- *государственно-патриотическую* (приоритет национальных ценностей и интересов России, ее суверенитет, независимость и целостность, гражданская зрелость, верность гражданскому и воинскому долгу, готовность к защите Отечества, активное участие в решении проблем и преодолении трудностей в обществе и государстве)¹⁰⁹.

4.2. Патриотизм как условие аксиологической безопасности

Безопасность аксиологического пространства напрямую коррелирует с общественным патриотическим сознанием как «исторически сложившейся, устойчивой специфической формой общественного сознания»¹¹⁰. От осознания практической необходимости аксиологической безопасности в качестве императива жизнедеятельности социума зависит обеспечение национальной безопасности России во всех сферах и на всех уровнях – микроличностном, мезогрупповом, макрогосударственном.

В разделе 4.1 было показано, что патриотизм является:

109 Топоров В. Н. Святость и святыне в русской духовной культуре. М. : Гнозис, 1995. Т. 1. С. 265.

110 * Суть принадлежащей Филофею идеи «Москва – Третий Рим» формулируется следующим образом: «Все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это – российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать» (см. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М. : Художественная литература, 1984. С. 453).

-
-
- социальным институтом, обеспечивающим единство и целостность государства и общества, устойчивость и эффективность их развития;
 - мощным средством консолидации и мобилизации общества с помощью смысложизненных установок и ориентаций поведения по отношению к Родине;
 - частью мировоззренческих ценностей, идеологии и морали;
 - одним из аспектов духовной культуры, которая «формируется в истории через непрерывный процесс отбора наиболее положительных, целесообразных, социально полезных и необходимых форм отношения людей к своему обществу»¹¹¹.

Исторический опыт России наглядно демонстрирует и доказывает, что именно патриотизм можно считать традиционным ценностным ориентиром и условием безопасности ее аксиологического пространства на всех этапах развития, начиная с истоков, которые многими историками (Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским и другими исследователями) соотносятся с VI–VII веками, когда начинается постепенное формирование моральных качеств, духовно-нравственных принципов и аксиологического фундамента российской идентичности.

В исследовательской среде существуют различные мнения относительно периодизации патриотизации народа России (Руси). Эвристически интересной представляется подход, предложенный О.М. Родионовым, который в рамках ретроспективного анализа патриотического воспитания выделил *десять периодов*, а именно:

1) *древнерусское государство (Киевская Русь)* (конец IX – начало XIII века) – патриотизм проявлялся в виде защиты от внешних завоевателей, преодолении междоусобиц, воплотился в идее о необходимости единения Руси («Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха» и т. д.);

2) *господство татаро-монгольского ига* (40-е годы XIII века – конец XV века) – главная задача – сохранение Руси, собирание сил и постепенное объединении вокруг нового центра – Москвы; в этот

111 См. Поляков Л. Логика «русской идеи» // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 72.

период появляются такие «символы» служения Отечеству, как Александр Невский, Сергей Радонежский, Дмитрий Донской;

3) *создание и укрепление русского централизованного государства* (конец XV – конец XVI веков) – обретение независимости, усиление государственной власти и военной мощи, возвышение Москвы как государственного и духовного центра в рамках первой в истории России вариации национальной идеи «Москва – Третий Рим»;

4) *ослабление централизованной власти, «смута», польско-шведско-литовская интервенция на рубеже XVI–XVII веков* – подрыв традиционных устоев и ценностей, консолидирующих Россию как единую и сильную державу на фоне личных амбиций и притязаний на верховную власть со стороны представителей знати;

5) *изгнание интервентов, начало правления династии Романовых* (1612 год – конец XVII века) – высшее проявление патриотизма в народном ополчении Минина и Пожарского, укрепление единства государства на базе православных ценностей;

6) *царствование Петра I, «Екатерининский век»* (XVIII век) – резкое возвышение роли и значения государства в российском обществе, обусловленное победоносными войнами русской армии, создание великой империи, осмысление России как уникальной, самодостаточной цивилизации, формирование основ государственного патриотизма, идеи служения Отечеству и, как следствие, системы патриотического воспитания;

7) *период зрелости и могущества Российской империи* (XIX век) – создание основ русской патриотической идеи, ее определение в формуле «Православие. Самодержавие. Народность» графа С. Уварова, «золотой век» русской литературы, искусства, науки (Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский, А.С. Пушкин, В.С. Соловьев, С.М. Соловьев, Л.Н. Толстой, Ф.И. Тютчев и другие);

8) *разрушение Российской империи, революционные потрясения* (первые десятилетия XX века) – деградация аксиологического пространства, его депатриотизация, инициирование центробежных сил, особенно в элитарном сознании интеллигенции (идеи либерализма, западничества, антимонархизма);

9) *советский период* (1920 год – начало 90-х годов XX века) – создание продуктивной системы военно-патриотического воспита-

ния, воссоздание сильного государства на принципиально новых основах, формирование мировоззренческого ядра аксиологического пространства – *советского государственного патриотизма*, но с 1980-х годов – начало деградации патриотической идеи советского образца;

10) *постсоветский период* (90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века) – трансформация системы ценностей и основных сфер жизнедеятельности общества и государства на либерально-рыночной основе, тотальная деформация всего советского, отсутствие общей идеи, запрет идеологии и, как результат отсутствие собственной стратегии развития, которая соответствовала бы национальным интересам страны ¹¹².

По мнению М.В. Ильина, с самого начала становление российской государственности базировалось на пяти «духовных комплексах» (структурах аксиологического пространства) патриотического характера, а именно на идеях:

- эпохального выбора своей судьбы;
- прियтия порядка;
- ускоренного развития Руси (России);
- самоотречения, служения Руси человечеству;

112 *** Периодизация предложена Н.А. Бердяевым (см. Русская идея // О России и русской философской культуре. М. : Наука, 1990), хотя в историческом дискурсе существуют различные подходы к периодизации идейно-ценностной эволюции ментального пространства России.

Например, С. Солдатов полагает, что она происходила в соответствии со сменой эпох развития политической мысли:

- 1) эпоха основания (862–1240 годы);
- 2) эпоха поражения (1240–1480 годы);
- 3) эпоха становления (1480–1698 годы);
- 4) эпоха строительства (1698–1917 годы);
- 5) эпоха сокрушения (1917–1985 годы) (цит. по: *Коровникова Н. А. Предпосылки и перспективы формирования национальной идеи современной России* : дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 49).

-
-
- сосредоточения на Руси чистых (идеальных) форм жизнедеятельности ¹¹³.

Согласно позиции В.Н. Топорова, на ранних стадиях формирования традиций и ценностных ориентиров на Руси (40-е годы XI века – начало XII века) произошло становление трех взаимосвязанных идей-концепций – своего рода патриотического фундамента аксиологического пространства:

1) *единство в пространстве и в сфере власти* (наиболее яркие примеры воплощения этой идеи – «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве»);

2) *единство во времени и в духе*, другими словами, идея духовного преемства («Слово о законе и благодати»);

3) *святость как высший нравственный идеал поведения*, жизненной позиции (тексты борисоглебского цикла) ¹¹⁴.

Идеи служения Отчизне, преданности Родине, сохранения целостности и единства, укрепления государственности легли в основу официальных идеологических формул, определявших характер и содержание аксиологического пространства России (Руси) на протяжении столетий: «Москва – Третий Рим» (учение Филофея) ^{*}, утвердившее православный мессианизм христианской цивилизации; триада «Православие. Самодержавие. Народность» ^{*}, где «народность» – основа развития русского национального самосознания, осуществления им своей государствообразующей роли. В обеих идейно-аксиологических моделях можно усмотреть три незыблемых и первостепенно актуальных принципа (*принцип национальности, принцип суверенитета, принцип традиции*), по сути, лимитирующих границы аксиологического пространства русской цивилизации.

Анализ досоветского периода также позволяет зафиксировать три направления в развитии аксиологического пространства России, имманентным признаком которых является их патриотически-

113 Ильин И. А. Сочинения : в 2-х томах. М. : Русская книга, 1993. Т. 1. С. 64.

114 См. Усачева Ю. С. Проблемы национализма и патриотизма в наследии Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, В.В. Розанова, П.Б. Струве : дис. ... канд. историч. наук. СПб., 2011. С. 22.

ориентированный характер, в том числе *религиозное, теологическое* (православие, Киевская Русь), *политическое, телеологическое* (самодержавие, «священное царство», Московская Русь) и *социальное, культурологическое* (европейская цивилизация, Российская империя) .

Действительно, патриотическая идея звучит и в России Киевской, и в России Татарской, и в Московской, и в Петровской **, и в России Советской ***. Над проблемой патриотизма, патриотического воспитания как основы национального самосознания, условия единства и целостности государства и общества работали многие государственные и общественные деятели: М.В. Ломоносов, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, К.Д. Кавелин, П.В. Анненков, В.П. Боткин, Т.Н. Грановский, В.Г. Белинский, И.С. и К.С. Аксаковы, И.В. и П.В. Киреевские, А.С. Хомяков, А.И. Кошелев, М.А. Бакунин, Н.А. Добролюбов, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк, П.А. Флоренский и другие.

Несомненно, патриотизм как ключевой аксиологический принцип занимает особое место в творчестве классиков русской философии. В современном контексте актуальной представляется трактовка патриотизма, предложенная Н.М. Карамзиным в статье «О любви к Отечеству и народной гордости», в которой он рассматривал физическую, моральную и политическую любовь к Отечеству:

- физическая любовь – привязанность человека к месту своего рождения («малая родина»);
- моральная любовь включает нормы национального общения, ценности жизни, позволяющие ему любить своих сограждан, делать им добро;
- политическая любовь – высшая форма любви – связана с патриотизмом, который есть «любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях» .

Н.Г. Чернышевский ключевыми в системе патриотических ценностей считал понятия воинского и гражданского долга перед Отчиной. На основании этого он полагал, что систему патриотических ценностей должны составлять *защита Отечества, забота о его процветании, бережное отношение к родной природе, охрана и*

приумножение культурных ценностей, отношение к родному языку как к ценности .

В похожих терминах трактует патриотизм Н.А. Бердяев, используя понятия гражданского достоинства, воинского долга, «великой школы гражданственности в опасный для Родины час» .

В работах И.А. Ильина патриотизм рассматривается как высшая солидарность, сплоченность в духе любви к Родине, творческий акт духовного самоопределения . По его мнению, именно *вера* является фундаментом патриотизма, который «есть чувство любви к родине, именно поэтому, как и всякое чувство, а особенно чувство любви, он уходит корнями в глубину человеческого бессознательного, в жилище инстинкта и страстей, куда далеко не каждый имеет доступ. И только степень духовного опыта и сила духовного видения может открыть человеку этот доступ» .

Интересной представляется патриотическая концепция П.Б. Струве, который связывал понятия патриота и патриотизма с понятием собственности. «Истинный патриот» в соответствии с его позицией разделяет со своей родиной национальные добродетели и пороки, достижения и отсталость, потому что родина и патриот – это «живое тождество» .

Позднее, в начале XX века, на этапе новых войн и революций произошел пересмотр ценностных ориентиров в аксиологическом пространстве (Великая Октябрьская Социалистическая Революция – перестройка всей общественной жизни России на основе социалистической идеи советского образца). Свои предложения по патриотическому воспитанию граждан и перспективам развития страны предлагали В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий, П.А. Кропоткин, Г.В. Плеханов и многие другие ученые и государственные деятели. Так, по мнению В.И. Ленина, патриотизм представляет собой «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств» .

Обобщая результаты исследований аксиологического пространства СССР, можно констатировать очевидное укрепление его патриотической составляющей в общественном сознании как через появление новых героических образцов Советской России, так и через обращение к образам прошлого, особенно в критические моменты (Великая Отечественная война). В советский период сфор-

мировался единый вектор гражданственности, ориентированный на сильное государство и государственность как высшую ценность, что подкреплялось идейно-политической работой на мезогрупповом и микроиндивидуальном уровнях. Как было мы уже показали, это обеспечивало (по крайней мере, номинальную) незыблемость «советских» идентификационных структур на всех уровнях аксиологического пространства.

Очевидно, что популяризация патриотической идеи обосновывалась коммунистической идеологией, которая достаточно длительное время обеспечивала поступательное развитие аксиологического пространства советского социума. Но деструктивные процессы 1980-х годов в аксиологической сфере привели не только к девальвации идеологии и идентичности советского образца, но и к уничтожению их патриотической основы. Результатом неуправляемых трансформаций 1990-х годов стала дезориентация и ослабление аксиологического пространства. В связи с этим одной из первоочередных задач, стоящих сегодня перед Россией, является поиск современной системы ценностных ориентиров российского социума, соответствующей принципам безопасности аксиологического пространства.

По аналогии с анализом постсоветских идентификационных процессов и структур, который представлен в разделах 3.1 и 3.2, также представляется целесообразным проследить изменения патриотической составляющей аксиологического пространства этого периода на четырех этапах:

- 1) кризис;
- 2) «ревитализация»;
- 3) конструирование;
- 4) становление.

На каждом этапе роль патриотизма и патриотического воспитания приобретала новую конфигурацию и значимость.

Кризисный этап представляется наиболее разрушительным с точки зрения аксиологического измерения социума и характеризуется уничтожением общегражданских и общегосударственных ценностных ориентиров, в первую очередь *патриотизма*. Тотальная дискредитация «советского героизма», игнорирование патриотизма в качестве необходимого элемента общественного сознания

очень скоро привели к распространению партикуляристских настроений вплоть до стремления покинуть страну, «обнажив» несостоятельность аксиологического пространства постперестроечного образца, в котором на первый план вышла проблема обеспечения его безопасности.

Как уже было показано, это послужило импульсом для новой волны популяризации и актуализации ценностно-мировоззренческой проблематики. Это положило начало *этапу «ревитализации»*, на котором началось восстановление патриотической составляющей аксиологической сферы отчасти через обращение к досоветским образцам – с новой силой начинают «звучать» героические события (Ледовое побоище 1242 года, Куликовская битва 1380 года, Полтавское сражение 1707 года, Бородинское сражение 1812 года) и персонажи (А. Невский, Д. Донской, А.В. Суворов, М.И. Кутузов), по-новому осмысливается роль царской семьи, в том числе императора Николая II, и т. д.

С начала нового тысячелетия начинается третий этап активного *конструирования* аксиологического пространства «постсоветского человека», на котором продолжилось усиление патриотической компоненты уже не только за счет примеров досоветской истории России, но и советских образцов героизма и служения Отечеству, первую очередь поколения победителей в Великой Отечественной войне, которые представляются наиболее значимыми и сегодня. В результате произошла конвергенция патриотических образцов досоветской и советской России, которые сформировали крепкую основу для дальнейшей популяризации патриотической идеи в качестве ключевого условия обеспечения безопасности и инновационного развития не только аксиологического, но и «материального» пространства России XXI века.

Очевидно, что на различных этапах постсоветского периода использовался разный ракурс интерпретации истории через ее антипатриотическую или, напротив, патриотическую трактовку. Это привело как к негативным, так и позитивным результатам. Игнорирование патриотической компоненты, спонсирование антипатриотических настроений привели к трагическим последствиям в ранний постсоветский период (этапы кризиса и ревитализации), когда искусственный характер ментальных конструкторов западного

формата, неучтенная ригидность массового сознания стали причиной деформации и искажения ценностных ориентиров даже на микроличностном уровне. В то время как популяризация патриотизма через разумный синтез модификаций аксиологических образцов Российской империи и советского периода на третьем этапе (в том числе на уровне государственной символики) позволила сформировать прочный аксиологический фундамент России как государства и цивилизации.

Сегодня патриотизм закономерно занял одно из центральных мест в общественно-политическом и научно-исследовательском дискурсе, стал своего рода защитной реакцией по отношению к пропагандируемым в последние десятилетия тезисам, подобным тому, например, что «Россия неспособна к цивилизованному развитию», любовь к Родине вновь превратилась в мощнейший побудительный мотив общественного сознания, существенно возрос интерес к отечественной истории, ее героическим событиям и персоналиям.

В условиях глобализации аксиологического мирового пространства особенно важно выработать эффективную систему патриотического воспитания на государственном и общественном уровнях, а также соответствующие меры в сфере молодежной политики, что позволит сформировать стратегию национальной безопасности России, учитывающую новые глобальные факторы, обеспечить воспроизводство цивилизационной уникальности через своеобразие языка, духовности, истории и культуры.

Идея патриотизма России XXI века находится на качественно новом уровне осознания и институционализации, а проблематика

патриотического воспитания вышла за рамки умозрительного характера – в практическую плоскость ¹¹⁵:

- приняты соответствующие государственные программы и концепции ¹¹⁶;

115 * *Правовая основа патриотического воспитания:*

- Конституция Российской Федерации;
- федеральные законы «Об образовании в Российской Федерации», «О высшем и послевузовском образовании», «О культуре», «О воинской обязанности и военной службе», «О ветеранах», «О днях воинской славы (победных днях) России», «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»;
- Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 года № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации»;
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года;
- постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 1999 года № 1441 «Об утверждении Положения о подготовке граждан Российской Федерации к военной службе»;
- «Концепция федеральной системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2020 года»;
- другие нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в части, касающейся вопросов патриотического воспитания.

116 ** Например, разработаны Модельный закон о патриотическом воспитании (Приложение к постановлению Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 16 апреля 2015 года № 42-6), в котором изложены понятия патриотизма, гражданственности, Отечества, гражданско- и военно-патриотического, духовно-нравственного воспитания; а также основы государственной политики, обеспечения деятельности, регули-

-
-
- в стадии разработки находятся соответствующие нормативные правовые акты **;
 - сформулированы ряд принципов, целей, задач, форм патриотического воспитания на государственном уровне в качестве фундамента становления макроидентичности российского социума и формирования новой «альтернативной» идеологической модели развития, отвечающей реалиям социально-политического международного контекста и условиям обеспечения безопасности аксиологического пространства России как государства и цивилизации.

рования и управления в сфере патриотического воспитания (подробнее см. Патриотическое и военно-патриотическое воспитание как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : учебно-методическое пособие / под общ. ред. В. И. Лутовинова. М. : Издательство «Экон-Информ», 2017. С. 287–301).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблематика поиска идейно-мировоззренческих координат аксиологического пространства современной России приобретает все бóльшую популярность и актуальность. Это неудивительно, поскольку в нашей стране до сих пор не до конца преодолен кризис национального самосознания; не завершены процессы национально-государственной и цивилизационной идентификации; остается открытым вопрос, какую роль будет играть Россия в глобальном мировом пространстве. В таком контексте становится все более очевидной необходимость определения консолидирующих основ, соответствующих идентификационным структурам общественного сознания, институционализированных в идеологической доктрине и, наконец, отраженных в общенациональной идее, отвечающей особенностям социальной, политической, экономической и духовной конъюнктуры современности.

В связи с этим концепты «национальная идея», «идеология», «идентичность» (как макроидентичность государства и цивилизации) заняли существенное место в рамках отечественного научно-исследовательского дискурса. Особый интерес представляет национальная идея, как категория наиболее сложная, философская, историческая, духовно-нравственная, которая является ядром общественного самосознания и представляет собой определенный символический синтез бытия нации, государства, цивилизации. Уровень ее осознания и восприятия – важнейший индикатор развития общества и государства. Национальная идея может стать основой духовного возрождения Отечества, стремления россиян к лучшей действительности, проявления ими высокой духовности и истинного патриотизма.

Как показывает исторический опыт, национальная идея России синтезировала аксиологические ориентиры не только русского народа, но и всех народов России, оставаясь идеей сильной государственности, она имела ярко выраженный патриотический характер. Современная Россия должна использовать этот бесценный исторический опыт *культурно-патриотической идеи российской государственности.*

Становление национальной идеи в постсоветской России сопряжено с целым рядом трудностей, в том числе:

- проблема бедности и отсталости;
- острые социальные и региональные противоречия;
- разновекторность общественного и элитарного сознания и т. д.

Кроме того, чтобы соответствовать тенденциям современного социально-политического, экономического и духовно-культурного контекста, национальная идея должна быть актуальной, отражать «оптимальную меру традиции и модернизации» и отвечать таким характеристикам, как надэтничность, эндогенность, баланс религиозного и светского наполнения, изменчивость во времени и пространстве, футуристичность, жизнеспособность, синтез самобытных компонент, результатов заимствования, адаптации или синкретизма. Другими словами, национальная идея как социальный и духовный идеал должна быть цельной, интересной, объединяющей, устремленной вперед и вовне через совершенствование изнутри, гибкой, прагматичной с неоспоримой перспективой развития, понятной в своей стратегии и механизмах программного воплощения.

Бесспорен тот факт, что на современном этапе поиска национальной идеи особенно важная роль отводится науке, поэтому сегодня дискуссии о национальной идее являются прерогативой и функцией передовой части научной элиты. При этом до сих пор не сформирован однозначный подход к решению этой проблемы, спектр суждений крайне широк – от полного ее отрицания и дискредитации в качестве научной категории до конструирования «идеологических формул» и лозунгов. К тому же в исследовательской среде до сих пор не выработан единый теоретико-методологический инструментарий для работы с этим сложнейшим концептом, что приводит к дефиниционной путанице с категориями идеологии и идентичности, а это чревато нерелевантными результатами и нежизнеспособными аксиологическими концепциями.

Очевидно этимологическое и смысловое родство категорий «национальная идея», «идеология», «идентичность», которые схожи по структуре, функциям, значению, поэтому взаимодополняют друг друга в рамках аксиологического пространства. В общем виде механизм их взаимодействия может быть представлен следующим

образом: национальная идея является результатом осмысления и осознания идентичности и в то же время механизмом поиска и обретения макроидентичности, которая представляет собой индикатор «витальности» и эффективности идеологии – среды формирования идентификационных структур в общественном и элитарном сознании. Причем в идеале национальная идея должна конкретизироваться и рационализироваться идеологией, которая, отражая интересы большинства граждан, консолидирует общество как на духовном, так и на институциональном уровнях.

Обретение национальной идеи и ее последующая институционализация в форме идеологической доктрины осложняются тем, что формирование базовых идентификационных образований «постсоветского человека» лимитировано совокупностью факторов, в том числе идейно-аксиологических, и имеет разновекторный, эклектический, незавершенный характер. Турбулентность постсоветского аксиологического пространства обусловлена спецификой идентификационных структур и идеологических процессов и объясняется переходом к этапу «новой идеологизации», увеличивающимися разрывами ментальных матриц, ценностным противостоянием «общество – государство», учитывая, что государство представляет собой ключевой механизм его саморегуляции.

Как было показано, на протяжении всего постсоветского периода можно выделить четыре этапа протекания идентификационных процессов: кризис, ревитализация, конструирование, становление макроидентичности, на каждом из которых в качестве одного из ключевых инструментов использовалась коллективная память. Совокупным результатом таких ментальных трансформаций последних десятилетий стал «постсоветский человек» как особый (контрастный) ментальный тип, одновременно рационально-логический, рефлексивный и эмоционально-компульсивный. При этом сложившийся синтез либерально-демократических, православно-консервативных, просоветских (социалистических) элементов общественного сознания соответствует трехполюсному характеру идеосферы постсоветского пространства и позволяет наметить три группы идейно-ценностных принципов, разумный баланс которых может послужить фундаментом аутентичной аксиологической модели развития российского социума в качестве альтернативы «ме-

таменталитету» универсального образца в форме национальной идеи, которая позволит России занять достойное место в мировом аксиологическом пространстве современности

По своей природе и содержанию национальная идея определяет вектор и способы функционирования государства и общества. В связи с этим «особый» путь развития России получил значительную поддержку населения как на массовом, так и на элитарном уровнях. Среди основных его характеристик можно выделить:

- идеал сильного и авторитетного на международной арене государства, «Великой державы»;
- потребность в социальной справедливости;
- неприятие «исторической амнезии», стремление к сохранению, развитию и адаптации духовно-культурных традиций и ценностей.

Концепция «особого пути» отвечает уникальному геополитическому расположению России, которое создает возможность выполнения ею роли стабилизатора культурного, аксиологического, цивилизационного равновесия между Востоком и Западом, поэтому в среде интеллектуальной элиты приобретает популярность евразийская идея, формируется новое направление неоевразийцев, согласно концепции которых необходимо вернуться к «евразийству», но на качественно новом уровне, свободном от националистической, мистической и автаркической доминант.

Более того, несмотря на имеющиеся проблемы и противоречия, несомненно, что Россия как страна и цивилизация имеет перспективу стать авангардом формирования новой альтернативной идейно-ценностной концепции полицентрического типа на общемировом уровне, чему способствует целый ряд факторов, в том числе территория, ресурсы, человеческий капитал, военная мощь, инновационный, инвестиционный и транзитный потенциалы, бесценное культурное наследие и т. п.

И, наконец, основываясь как на опыте российской исторической традиции, так и на реалиях современного контекста, можно констатировать, что в основу национальной идеи и идеологии России XXI века должна быть заложена патриотическая составляющая в качестве ключевого элемента и условия безопасности аксиологического пространства российского социума и государства.

Опираясь на изложенное, следует подчеркнуть, что становление национальной идеи, формирование макроидентичности, их рационализация и институционализация в идеологической концепции являются обязательными условиями консолидации, внутренней целостности и единства России, которые позволят ей включиться в мировые процессы как сильное государство и самобытная цивилизация.

ЛИТЕРАТУРА И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 года в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 1993 года № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации» (с изменениями, внесенными федеральными законами от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ <http://www.constitution.ru>

2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/

3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 года. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/

4. Концепция федеральной системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2010 года № 134-р : в редакции распоряжения от 20 сентября 2012 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97419/

5. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации. URL: <http://www.gospatriotprogram.ru/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-program-/the-concept-of-patriotic-education-of-citizens-of-the-russian-federation.php/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-program/>

6. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>

7. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утверждены Верховным Советом Российской Федерации 9 октября 1992 года № 3612-1 : в редакции от 29 июля 2017 года. <http://www.>

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/

8. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>

9. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

10. О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» (вместе с «Положением об Управлении Президента Российской Федерации по общественным проектам»): Указ Президента Российской Федерации от 20 октября 2012 года № 1416 : в редакции Указа Президента Российской Федерации от 25 июля 2014 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136827/

11. О ветеранах : Федеральный закон от 12 января 1995 года № 5-ФЗ : в редакции Федерального закона от 16 октября 2017 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/

12. О днях воинской славы и памятных датах России : Федеральный закон от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ : в редакции Федерального закона от 1 декабря 2014 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5978/

13. О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ : в редакции Федерального закона от 26 июля 2017 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/

14. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ : в редакции Федерального закона от 29 июля 2017 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

15. Об обороне : Федеральный закон от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ : в редакции Федерального закона от 26 июля 2017 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/

16. О Государственном флаге Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 года № 1-ФКЗ : в редакции Федерального закона от 12 марта 2014 года (с измене-

ниями и дополнениями, вступившими в силу с 1 сентября 2014 года.
URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29679/

17. Аксюциц В., Нарочницкая Н., Недоступ А., Смирнов Д. (протоиерей). Русский мир: О нашей национальной идее. М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014.

18. Алексеева Т. А., Капустин Б. Г., Пантин И. К. Перспективы интегративной идеологии // Полис. 1997. № 3.

19. Ахиезер А. С. Наука и идеология // ОНИС. 1991. № 1.

20. Бабурин С. Н. Новая русская империя. М. : Алгоритм, 2013.

21. Барабанов Е. В. «Русская идея» в эсхатологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 8.

22. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. 2004.

23. Барис В. В. Тенденции и перспективы **геополитического** развития России на рубеже веков : дис. ... докт. полит. наук. М. : РГБ, 2003.

24. Бенуа А. де. Против либерализма. К четвертой политической теории. М. : Амфора, 2009.

25. Бердяев Н. А. Судьба России: Опыты психологии войны и национальности. М., 1918.

26. Бутенко А. П., Кочеткова Л. Н. Идеология в России: проблемы и перспективы // Социально-политический журнал. 1998. № 4.

27. Бызов Л. Г. Политические и мировоззренческие ценности россиян и трансформация партийно-политической системы России : доклад на заседании научно-экспертного совета ВЦИОМ. 2008. 16 июля. URL: <http://wciom.ru/novosti/novosti-vciom/novost/single/10415.html>

28. Валицкий А. Философия права русского либерализма. М. : Мысль, 2012.

29. Водолазов Г. Г. Общенациональная идеология как идеология большинства населения // Полис. 1997. № 3.

30. Возьмитель А. А. О российской власти и общенациональной идее // Власть. 1999. № 7.

31. Вырщиков А. Н., Кусмарцев М. Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе : монография. Волгоград : НП ИПД «Авторское перо», 2006.

32. Выступление И.Б. Чубайса на семинаре «Россия в поисках национальной идеи» в рамках дискуссионного форума «Европейские диалоги» (ИМЭМО РАН, г. Москва, 11 апреля 2016 года). URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2253

33. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М. : Мысль, 1970. Т. 1. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GEGEL%27_Georg_Vil%27gel%27m_Fridrih/_Gegel%27_G.V.F..html#019

34. Глазьев С. Ю. Благополучие и справедливость. Как победить бедность в богатой стране. М. : Б.С.Г.-Пресс, 2003.

35. Глазьев С. Ю. Мы строим нашу евразийскую интеграцию на принципе сохранения суверенитета государств // Ориентир. 2017. № 3.

36. Голосовкер Я. Э. Миф моей жизни // Вопросы философии. 1989 № 2.

37. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Глобалистский менталитет как условие предотвращения межкультурных конфликтов // СОЦИС. 2001. № 4.

38. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д. А. Ланина. М. : Академический Проект ; Альма Матер, 2013. URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_poznanija/destjut_de_trasi_osnovy_ideologii_sobstvennom_smysle_slova/45-1-0-4735

39. Дугин А. Г. Евразийский путь как Национальная Идея. М. : Арктогея-центр, 2002. URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=853>

40. Евзеров Р. Я. Украинская национальная идея // Национальная идея. Страны, народы, социумы. М. : Наука, 2007.

41. Егоров В. К. Философия русской культуры. М. : РАГС, 2006.

42. Ефремова В.Н. Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России. Автореф. дис. канд. полит. наук. – М., 2015.

43. Жаде З. А. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации : дис. ... докт. полит. наук. Краснодар, 2007. URL: [http://identityworld.ru/load/kategorii/zhade_za_geopoliticheskaja_identichnost_rossii_v_uslovijakh_globalizacii/1-1-0-21](http://identityworld.ru/load/kategorii/zhade_zhade_za_geopoliticheskaja_identichnost_rossii_v_uslovijakh_globalizacii/1-1-0-21)

44. Жукова О. А. Политическая модернизация в России, или вопрос о цивилизационной идентичности // Культура культуры. 2014. № 4.

45. Жукова О. А. Ценностный выбор российского общества как проблема культурной самоидентификации // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 3.

46. Зиновьев А. Наше государство – «Рогатый заяц» // Московская правда. 2002. № 174. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/52>

47. Ильин И. А. Пути России / сост. А. Д. Путинцев. М. : Вагриус, 2007.

48. Ильин И. А. Сочинения : в 2-х томах. М. : Русская книга, 1993. Т

49. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997.

50. Казанцев А. А. Грамматика русской идеи, Или как создавать новые идеологии в России? URL: <https://mgimo.ru/files/33877/33877.pdf>

51. Кара-Мурза А. А. «Либерально-консервативный синтез» как объединительная идеология // Полис. 1997. № 3.

52. Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать ее наука. М. : Алгоритм, 2002. URL: <http://www.klex.ru/5z>

53. Кара-Мурза С. Г. Матрица «Россия». М. : Алгоритм, 2007. URL: <http://www.klex.ru/4z1>

54. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. : Наука, 1991. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/karamzin.htm>

55. Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости. М. : Институт русской цивилизации, 2013. URL: http://rusinst.ru/docs/books/N.M.Karamzin-O_liubvi_k_Otechestvu.pdf

56. Коваленко В. И. Интегративная идеология в России: основания, проблемы, перспективы // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1994. № 1.

57. Комаровский В. С. Политическая идентификация России в свете идеологием «суверенной демократии» // Проблемы современного государственного управления в России. Труды научного семинара. М. : Научный эксперт, 2008. Вып. № 9.

58. Комаровский В. С. Политическая идентификация России: состояние, проблемы, перспективы // Материалы методологического семинара (10 ноября 2009 года, Москва). М. : РАГС, 2010.

59. Коровникова Н. А. Большая Евразия: аксиологические основания (тезисы) // IV Международная научно-практическая конференция «Аналитика развития, безопасности и сотрудничества: Большая Евразия – 2030» (Москва, 29 ноября 2017 года, Общественная палата Российской Федерации).

60. Коровникова Н. А. Идеальное измерение российской политики в контексте современности // Вестник саратовского социально-экономического университета. 2011. № 3 (37).

61. Коровникова Н.А. Идентификационные процессы в постсоциалистическом пространстве: к определению проблемного поля. // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 9. Ч. 2. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и международных связей; Отв. Ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2014.

62. Коровникова Н. А. Идея, идеология, идентичность: к определению проблемного поля // СОТИС – социальные технологии, исследования. 2017. № 5.

63. Коровникова Н. А. Национальная идея: идеологический аспект // Национальная идея России : материалы Всероссийской научной конференции. М. : Научный эксперт, 2011.

64. Коровникова Н. А. Патриотизм как основа ментальной безопасности России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. 2013. № 1.

65. Коровникова Н. А. Политическая идентичность России: реалии, особенности, перспективы (опыт постсоветского периода) // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2012. № 4.

66. Коровникова Н. А. Предпосылки и перспективы формирования национальной идеи современной России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.

67. Коровникова Н. А. Трансформация идентификационных структур в социально-политическом пространстве современной России // Открывая современность заново : сборник научных статей преподавателей и аспирантов факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, посвященный 15-летию факультета / под ред. Н. С. Кирабаева. М. : РУДН, 2011.

68. Кофнер Ю. Ю. Национальная идентичность России в 21-м веке // Тезисы выступления на закрытой встрече (Мюнхен, 24 июня 2017 года). URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/25062>

69. Кулинченко В. А., Коровникова Н. А. Национальная идея как «легитимная идеология» современной России // Власть. 2008. № 11. Тверь : ООО «Мега-Принт».

70. Культурная память в контексте формирования национальной идеи России в 21 веке. URL: https://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2012/19_11_2012_7.pdf

71. Кургиян С. Е. СССР 2.0. URL: <http://www.ussr-2.ru/index.php/sut-vremeni/19-kurginyan-sergej-ervandovich>

72. Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 томах. 5-е изд. Т. 37. С. 190. URL: http://lenin-ulijanov.narod.ru/sobran_0.html

73. Мамут Л. С. Российский политический процесс. О концепции православно-монархического строя для постсоветской России. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/09/1214861029/Mamut.pdf>

74. Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. ; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер [и др.]. М. : Юрист, 1994. URL: <http://padaread.com/?book=3893>

75. Материалы исследовательского комитета по политической идентичности РАПН URL: http://www.rapn.ru/in.php?part=in&gr=1628&n=35&p=0&to=research_bodies

76. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacij_Polisa/M/1992-1-12-Matz-Ideologii_kak_determinanta_politiki.pdf

77. Межуев В. М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 12.

78. Межуев В. М. Глобальное и локальное в современном мире // Глобализм и цивилизационная идентичность России : материалы научного семинара. М. : Научный эксперт, 2008. Вып. № 2 (11).

79. Межуев В. М. Гуманитарная наука и идеология. Российская гуманитарная наука: генезис и состояние // Материалы постоянно действующего научного семинара. М. : Научный эксперт, 2007. Вып. № 2. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/Cm/8-39.pdf>

80. Мельник В. А. Политические идеологии : учебное пособие. Минск : Выш. шк., 2009.

81. Мильдон В. И. Миллениумы русский и западный: образы эсхатологии // Вопросы философии. 2000. № 7.

82. Митрошенков О. А. Русская философия. Имена и идеи. М. : РАГС, 2008.

83. Моисеев Н. Н. О мировоззрении и миропонимании // Мемориальный сайт памяти Н.Н. Моисеева. URL: <http://nnmoiseev.narod.ru/mirivoz.htm>

84. Моторина Л. Е. Анджей Валицкий о русской идее и особенностях русской философии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/andzhey-valitskiy-o-russkoy-idee-i-osobennostyah-russkoy-filosofii>

85. Назаров М. В. Кто наследник Российского престола? М. : Русская идея, 2004.

86. Назаров М. В. Вождю третьего Рима. М. : Русская идея, 2005. URL: <http://rusidea.org/?a=410000>

87. Нарочницкая Н. А. Главная национальная идея – продолжать быть русскими // Русская линия. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=161665/>

88. Нарочницкая Н. А. О национальной идее. URL: <http://narotchnitskaya.com/news/nataliya-narochnitskaya-o-natsionalnoy-idee.html>

89. Нарочницкая Н. А. Русский мир. СПб. : Алетей, 2007.

90. Национальная идея на европейском пространстве в XX веке : в 2 кн. М. : ИВИ РАН, 2005.

91. Национальная идея России : в 6 т. М. : Научный эксперт, 2012.

92. Национальная идея: история, идеология, миф / отв. ред. Г. Ю. Семигин. М. : ИСП РАН, 2004.

93. Национальная идея. Страны, народы, социумы. М. : Наука, 2007.

94. Орлов И. Б. Национальная идея России в истории мысли. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/56/15091992636cbcb086d98f3f92b633b55d69515d5d/Национальная%20идея%20России.pdf>

95. Русская идея // О России и русской философской культуре. М. : Наука, 1990.

96. Осипов Г. В. Россия: национальная идея и социальная стратегия // Вопросы философии. 1997. № 10.

97. *Осипов Г. В.* Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М. : Фонд содействия развитию социал. и пол. наук, 1997.

98. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М. : Художественная литература, 1984.

99. *Панарин А. С.* Православная цивилизация / сост., предисл. В. Н. Расторгуев / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014.

100. *Пантелеев С. Ю.* К вопросу о государственной идеологии в посткоммунистической России. URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/lomweb01/pantele.htm>

101. *Пантин В. И.* Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // *Полис*. 2008. № 3.

102. Патриотическое и военно-патриотическое воспитание как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : учебно-методическое пособие / под общ. ред. В. И. Лутовинова. М. : Издательство «Экон-Информ», 2017.

103. *Пивоваров Ю. С.* Русская политическая традиция и современность. М. : ИНИОН РАН, 2006.

104. *Платонов О. А.* Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М. : Алгоритм, 2010.

105. *Подберезкин А. И.* Русский путь. М. : Духовное наследие, 1996.

106. Политология : учебник / А. Ю. Мельвиль [и др.]. М., 2004. URL: <http://www.alleng.ru/d/polit/pol045.htm>

107. *Поляков Л.* Логика «русской идеи» // *Общественные науки и современность*. 1992. № 3.

108. *Поцелуев С. П.* Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // *Трансформация идентификационных структур в современной России*. М. : Московский общественный научный фонд, 2001.

109. Проект Россия. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007.

110. Проект Россия. Большая идея. М. : Эксмо, 2010.

111. Проект Россия. Выбор пути. М. : Эксмо, 2008.

112. Проект Россия. Третье тысячелетие. М. : Эксмо, 2009.

113. Проханов А. А. Синусоида русской истории. URL: <http://zavtra.ru/blogs/2006-07-1251>

114. Прудникович Л. А. Наука и идеология ? сборник научных трудов / под ред. д-ра пед. наук, проф. Н. К. Сергеева (гл. ред.); канд. филос. наук, доц. А. П. Горячева. Волгоград : Перемена, 1998.

115. Пуляев В. Т. Социальные ценности в российской национально-государственной идеологии / В. Т. Пуляев, Н. В. Шеляпин // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 5.

116. Путин В. В. У нас нет никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма // Наша молодежь. 2016. № 4.

117. Путин В. В. Выступление на международном форуме «Один пояс, один путь» 14 мая 2107 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491>

118. Режим Путина: идеи и практика / Г. В.Голосов, Л. Е. Беляхер, К. Е. Коктыш [и др.]; вступ. сл. Г. Каспаров. М. : Секачев, 2005.

119. Резолюция круглого стола «Общенациональная идея и идеология как фактор единства, динамичного развития и безопасности России XXI века». URL: <http://ukros.ru/archives/13663>

120. Рожков И., Кисмерешкин В. Имидж России. Ресурсы. Опыт. Приоритеты. М. : Рипол классик, 2008.

121. Розов Н. С. Национальная идея как императив разума // Вопросы философии. 1997. № 10.

122. Россия в поисках идеи (анализ прессы) / отв. ред. Г. А. Сатаров. М. : Издательство Управления делами Президента Российской Федерации, 1997.

123. Россия на пути консолидации : сборник статей. СПб. : Нестор- История, 2015. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/Russia_Konsolid_2015.pdf

124. Русская идея: демократическое развитие России / М. Ойзерман, М. Рац, Б. Слепцов [и др.]. - М. : РНФ, 1996. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/journals/vm/1995/1-2/v951red0>

125. Русская идея: Очерк развития отечественной политической мысли : учебное пособие / Н. А. Бенедиктов, С. П. Макарычев, Е. Н. Шаталин. Н. Новгород : Издательство Нижегородского университета, 1993.

126. Русский народ: историческая судьба в XX веке / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин, В. А. Корецкий. М. : МГУ, 1993.

127. Рябов А. А. Интегративная идеология и модернизация современной России // Свободная мысль. 1992. № 15.

128. Сагатовский В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? Серия: Россия накануне XXI века. СПб. : Петрополис, 1994. Вып. 2.

129. Седова Н. Н. Отношение к патриотизму жителей крупного промышленного города // Социология города. 2012. № 4.

130. Скэнлан Дж. П. Нужна ли России русская философия? // Вопросы философии. 1994. № 1.

131. Слонов Н. Четвертый полюс идеологического поля // Россия: новая стратегия развития : сборник докладов лауреатов и дипломантов II Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов «Идеи для России – 2005». М. : Фонд «Единство во имя России», 2006.

132. Собчак А. А. Из Ленинграда в Петербург: Путешествие во времени и пространстве. СПб. : Контрфорс, 1999. URL: <http://sobchak.org/rus/books/izlen/2.html>

133. Солженицын А. И. Национальная идея – сбережение народа // Гудок. Выпуск от 11 июня 2005 года. URL: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=752882>

134. Социологическая энциклопедия. М. : Мысль, 2003. Т. 1.

135. Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты / рук. проекта М. А. Тарусин. М. : Институт общественного проектирования, 2008.

136. Темницкий А. Л. Социологические подходы к периодизации истории постсоветской России // Социологические образы России: Трансформирующееся общество в историко-социологической перспективе. СПб. : Социополис, 2006. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/533/5339c5cc107edb89fc01a7f5ddc6ceba.pdf>

137. Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. Дис. канд. полит. наук. – М., 2006.

138. Тимофеев И. Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/files/12/07_timofeev.pdf

-
-
139. *Титов В. В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции – М.: Типография «Ваш формат», 2017.
140. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М. : Гнозис, 1995.
141. *Троицкий Е. С.* Возрождение Русской идеи. Социально-философские очерки. М. : Исида, 1991.
142. *Троицкий Е. С.* О русской идее. Очерк теории возрождения нации. М. : Политиздат, 1994.
143. *Усачева Ю. С.* Проблемы национализма и патриотизма в наследии Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, В.В. Розанова, П.Б. Струве : дис. ... канд. историч. наук. СПб., 2011.
144. *Фадеечева М. А.* Этнонационализм в политическом дискурсе постмодерна // Полис. 2006. № 4.
145. *Флад К.* Политический миф. Теоретическое исследование. М. : Издательство «Прогресс-Традици», 2004.
146. *Фогель М. В.* Роль национальной идеи в современном политическом развитии России и Германии : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005.
147. *Франк С. Л.* Политика и идеи. М. : Издательство «Правда», 1990.
148. *Фукуяма Ф.* Конец истории? URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>
149. *Фурсов А. И.* Колокола Истории. М. : ИНИОН РАН, 1996. URL: <http://www.rus-obr.ru/library/8007>
150. *Черняховский С. Ф.* Проект для России // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 2.
151. *Чудинова И. М.* Идеология и политика // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 4.
152. *Шадже А. Ю.* Российская идентичность в контексте постнеклассической науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-identichnost-v-kontekste-postneklassicheskoy-nauki>
153. *Шварцмантель Д.* Идеология и политика. X. : Издательство «Гуманитарный центр», 2009.
154. *Шкалина Г. Е.* Национальное: между идеологией и культурой // Социально-политический журнал. 1997. № 3.

155. Экспертная сеть по исследованию идентичности URL: <http://identityworld.ru>

156. Яжборовская И. С. Смена парадигмы национальной идеи в современной Польше // Национальная идея. Страны, народы, социумы. М. : Наука, 2007.

157. Яковенко И. Г. Трансформация базовых идентичностей: факторы, тренды, сценарии. Современные трансформации российской культуры / отв. ред. И. В. Кондаков. М. : Наука, 2005.

158. Яковец Ю. В., Растворцев Е. Е. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений : научный доклад. М. : МИСК, 2017.

159. Forest B., Johnson J. Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow // Annals of the Association of American Geographers. № 93 (3). 2002.

160. Freedен M. Ideologies as Communal Resources // Journal of Political. Ideologies. 1999. Vol. 4. N 3.

161. Freedен M. Ideology: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2003.

162. Giddens A. Beyond Left and Right – the Future of Radical Politics. Cambridge : Polity Press, 1994.

163. Gouldner A. The Dialectic of Ideology and Technology: The Origins, Grammar and Future of Ideology. London: Macmillan, 1976.

164. Rorty R. Campaigns and Movements // Dissent. Vol. 42. 1995.

165. Russell B. Religion and Science. London : T. Butterworth-Nelson, 1935. URL: <http://ideology.ru/app/sresallid136.htm>

166. Seliger M. Ideology and Politics. London : George Allen & Unwin, 1976 ; U.S. edition: New York : Free Press, 1976.

167. Taylor Ch. The Politics of Recognition // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.

168. Zarycki T. The Role of Russia in the Modern Polish National Identity // Eastern European Politics and Societies. Vol. 18. № 4. 2004.

Научное издание

Коровникова Наталья Александровна

**АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ: ИДЕЯ, ИДЕОЛОГИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ**

Монография

Редактор *ЕА. Куракова*
Корректор *ЕА. Куракова*
Компьютерная верстка *А.Э. Хуурака*

Издание книги организовано негосударственным
образовательным учреждением высшего образования
«Московский институт экономики, политики и права»

Подписано в печать 04.12.2017
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 5,17. Тираж 500 экз. Заказ № 281.

Отпечатано с готовых оригинал-макетов в типографии
ООО «Семейный бизнес», г. Москва, ул. Щипок, д. 28